

всепи́рная исто́рия в рома́нах

Дмитрий АГАЛАКОВ

АПОСТОЛЫ

Всемирная история в романах

Дмитрий Агалаков

Апостолы

«ВЕЧЕ»

2019

Агалаков Д. В.

Апостолы / Д. В. Агалаков — «ВЕЧЕ», 2019 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7923-6

Лука – апостол из семидесяти, евангелист, блестящий писатель своего времени, первый иконописец, наконец, «врач возлюбленный», как называл его апостол язычников Павел. Их пути – Луки и Павла – неразрывны вот уже две тысячи лет, ведь они были связаны и великой идеей, и простой человеческой дружбой. Апостол Павел крестил европейцев, апостол Лука помогал ему и записывал его деяния. Воистину их сердца стучали в такт друг другу! Иерусалим и Антиохия, Малая Азия и Балканы, Афины и Коринф, и наконец – Рим. Они вместе шли до последнего предела – до мученической смерти. Роман «Апостолы» о великом путешествии двух великих людей, изменивших в первом веке нашей эры лицо мира, сам образ нашей планеты. Люди, избранные однажды волей самого Господа, они смело шагнули навстречу судьбе, память о которой останется с человечеством навсегда.

ISBN 978-5-4484-7923-6

© Агалаков Д. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

ОБ АВТОРЕ	6
ОТ АВТОРА	8
ПРОЛОГ	10
Часть первая	16
Часть вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Агалаков

Апостолы

Агалаков Дмитрий Валентинович

© Агалаков Д.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

ОБ АВТОРЕ

Современный русский писатель Дмитрий Валентинович Агалаков родился в 1966 году в Самаре. Ещё с детства будущего писателя неуклонно влекло к изобразительному искусству – в первую очередь к рисованию и лепке. Этому была причина – в роду были иконописцы, странствующие по русскому Северу и Уралу, и эта линия уходила в глубину веков. И Дмитрия отдали в художественную школу. После восьмого класса общеобразовательной школы Дмитрий Агалаков поступил в художественное училище, которое и окончил по специальности «художественное оформление». Затем была служба в Советской Армии, откуда Дмитрий вернулся в звании младшего сержанта и с удостоверением командира БМП (боевой машины пехоты). И тут, в двадцать лет, судьба Дмитрия Агалакова круто изменилась. Родители – врачи-невропатологи и художники-любители – видели в нём только живописца или скульптора, но однажды вошли в его комнату на стук печатной машинки. «Что это?» – спросили они. И Дмитрий ответил: «Я не буду художником – я стану писателем». Но пока это был только оклик его мечты! Только высокая мечта!

Дмитрий поступил на рабфак Самарского университета, на филологию, но, окончив его, резко изменил решение и успешно сдал экзамены на факультет театральной режиссуры Самарской академии культуры. Диплом режиссёра он получит много позже, потому что ненасытная и жадная до всего нового писательская натура толкала его в разные профессии. Будут четыре года на филологии в госуниверситете, два года на этнографии в Академии культуры. Попутно Дмитрий будет работать и художником-иллюстратором, оформит первые вышедшие в России книги «Рэмбо» и «Терминатор». С двадцати одного года Дмитрий Агалаков пошёл в журналистику – она станет для него ещё одной профессией на всю жизнь. Дмитрий прошёл все профессиональные ступени в газетах и журналах – работал репортёром, корреспондентом, обозревателем, начальником отдела, выпускающим редактором, ответственным секретарём, замом главного редактора и главным редактором в различных изданиях. Сотни статей и очерков вышли из-под его пера. Много лет Дмитрий Агалаков отдал отраслевой журналистике – он работал редактором газеты «Самаратрансгаз», а позже редактором трёх изданий корпорации «ЛУКОЙЛ-Волга» (журнала, газеты и альманаха), а также был замом генерального директора издательства РОСИНГ (Российское общество инженеров нефти и газа). Объездил в командировках половину российских нефтяных месторождений.

В 2000 году Дмитрий поступил на Высшие литературные курсы им. Горького при Литературном институте на факультет прозы и тогда же попал в обойму авторов издательства «Вече». В 2002 году на Международной книжной ярмарке на ВВЦ Дмитрий представлял издательство двумя книгами – «Империя чёрной королевы» и «Сокровище князей Белецких». С тех пор практически ежегодно выходят новые романы Дмитрия Агалакова в различных жанрах – детектив, фантастика, мистика, приключения. Немало уже написано книг и в жанре исторического романа. Здесь и русская история («Воевода Дикого поля», «Солдаты эры Водолея», «Волжский рубеж»), и история зарубежная («Аквитанская львица», диалог о Жанне д'Арк – «Принцесса крови» и «Полёт Орлицы»). Вернувшись после окончания ВЛК в Самару, Дмитрий основал в родном городе серию «ЛСК» («Лидеры самарского края») по образу и подобию «ЖЗЛ». В этой серии стали выходить его романы о крупных исторических личностях старой, ещё дореволюционной Самары, оставивших заметный след в истории всей России. Дмитрий неоднократно получал губернские гранты в области культуры. В 2009 году Думой городского округа Самары за роман «Князь Григорий Засекин» Дмитрий Агалаков награждён почётной грамотой «За заслуги перед городским сообществом». Этот же роман недавно был переведен в аудиоформат для школ слепых России.

В данный момент Дмитрий Агалаков готовит к изданию в серии «ЛСК» романы «Отец Самарской губернии. Константин Грот» и «Константин Головкин». Все свои самарские издания Дмитрий оформляет сам.

Избранная библиография Дмитрия Агалакова:

- «Принцесса крови» (2006)
- «Полет Орлицы» (2007)
- «Воевода Дикого поля» (2009)
- «Солдаты эры Водолея» (2010)
- «Пантера Людвига Оппенгейма» (2011)
- «Волжский рубеж» (2013)
- «Аквитанская львица» (2013)

ОТ АВТОРА

Можно ли создать исключительно художественный роман о таких исторических персонажах, величайших людях нашей планеты, как апостолы Павел и Лука? Тем более, роман, где одним из главных героев выступает Сын Человеческий? Нет, нельзя. Если вы серьёзно относитесь к этой теме. Интуиция и здравый смысл сами направят автора в единственно нужное русло. Так случилось со мной. Едва я взялся за эту книгу, как оказался в строгих границах великих книг Нового Завета. Отправными точками стали четыре Евангелия (от Луки в первую очередь), «Деяния святых апостолов» и письма апостола Павла. Это был точно магнит. Притяжение центральной звезды в солнечной системе христианской религиозной литературы. Конечно, я позволил себе представить, как протекало детство Луки – грека из Антиохии, врача и иконописца, по мне так самого скромного человека в мире, который всегда и намеренно уходил в тень, на первый план выдвигая своего друга Павла. Но, пожалуй, эпизод из детства Луки – это единственный абсолютно художественный кусок в моём романе. Все другие эпизоды всё тем же магнитом притягивали меня к последовательному действию, описанному Лукой в «Деяниях святых апостолов». Ещё мне пришлось представить, как Лука познакомился с Марией, матерью Иисуса, в Назарете. Ведь он писал её портрет! Именно – портрет! Не икону! До начала иконописи, как жанра, были ещё столетия. Но именно греки на тот момент являлись величайшими художниками античной цивилизации, именно они преуспели в изображении человека, его образа, его земной красоты. Эллинистические мозаики и живописные работы были рассыпаны по всей ойкумене! Никакой христианин-иудей не осмелился бы рисовать Марию. А вот Лука (родоначальник иконописи на планете земля) мог. Даже в этом полуисторическом, полуполюгендарном эпизоде всё предельно логично.

Апостол из семидесяти, он не был в первом ряду приближённых к Спасителю людей. Как мы понимаем, Лука прибыл в Святую землю юношей, когда Иисус уже всю проповедовал и слава о Нём уже широко расходилась по миру. На эту проповедь, звучавшую в тех уголках античного мира, что соседствовали с Галилеей, и откликнулось сердце юного грека из Антиохии. И он сел на корабль и поплыл в Палестину. Именно Лука юнцом идёт с Клеопой в Эммаус, скромный Лука, который почти нигде не упоминает о себе. В «Деяниях» мы только догадываемся о его присутствии в путешествиях Павла по миру по так называемым «мы-отрывкам». И по письмам Павла, где тот называет Луку «врачом возлюбленным» и признаётся, что Лука оставался с ним до последних дней. Ярчайший писатель своего времени, создавший одно из канонизированных Евангелий, создавший блистательную повесть «Деяния святых апостолов», ставший первым иконописцем, врачевавший сотни людей, встречавшихся ему на пути, наконец, первый из друзей апостола Павла, помогавший благовестнику во время приступов «падучей болезни» – эпилепсии, всегда умалял свою роль в истории человечества.

Как такое возможно? Воистину, вот кто собирал сокровища не на земле, а на небе.

Шестая часть романа, которая называется «Евангелист Лука», посвящена тому, как апостол из семидесяти работал над своим первым произведением – над «Благой вестью», над Евангелием. Это было время, когда Павел оказался «в узах», в кесарийской тюрьме, заключение в которой спасло ему жизнь. Лука дал обещание быть с ним всё это время, обещал не уходить далеко и сдержал слово. Эти два года Лука и посвятил тому, чтобы написать историю Иисуса из Назарета от рождения до смерти и воскрешения. Эта часть в романе наиболее документальна и уводит нас в прошлое, к жизни Иисуса, она изобилует цитатами из Святого Писания, но я решил, что она необходима для наиболее полного раскрытия образа евангелиста Луки и его величайшего дара человечеству.

Отличие от Луки его друг Павел вообще не знал Иисуса Христа при жизни. Будущий апостол всех язычников услышал Сына Божьего по дороге в Дамаск, когда ехал расправляться

с христианами. Господь уже с облаков призвал Павла к служению – и таков был посыл, что фарисей и гонитель христиан, злейший враг новой веры, стал величайшим проповедником и в течение тридцати лет крестил Европу. Вернее сказать, бросил такие семена, погибнуть которые уже не могли. Энтузиазм этих людей поражает воображение, эта история почти фантастическая, тем более в эпоху, когда не было ни газет, ни телевидения, ни Интернета! Всё пешком, и по всем землям, всё своими словами, даром убеждения! Но ведь так было – это и есть история человечества. И творить её без Божественного провидения было бы невозможно.

Первый поход по языческому миру Павел совершает ещё с одним апостолом из семидесяти – Иосифом Варнавой, третьим по значимости литературно-историческим персонажем романа. Именно Варнава, друг юности и соученик Павла по школе Гамалиила, примет его в Иерусалиме после Дамаска, поверит ему и введёт в ближний круг Спасителя – он познакомит его с Петром, камнем в основании церкви Христовой, Иаковом, братом Иисуса, главным авторитетом молодой церкви, и Его матерью – Марией. Именно с Варнавой Павел будет неистово бороться за духовную свободу первых христиан от ветхозаветных догм. А возникшие разногласия и разрыв между двумя великими людьми, друзьями-благовествователями Павлом и Варнавой, станет одним из самых печальных эпизодов в жизни апостольской среды.

Ничего нельзя было упустить в этой истории!

Одним словом, я садился писать художественное произведение, но быстро понял, что пишу художественно-документальный роман, я ещё назвал его «романом-толкованием», потому что он не только подробно повествует о жизни величайших подвижников, но и раскрывает саму суть происходившего тогда грандиозного действия на планете земля. Действа, которое зовётся христианизацией мира, со всеми препятствиями, подводными течениями, ошибками и поиском правильных, единственно верных путей. Прочитав исторический роман «Апостолы», вы узнаете очень многое о том революционном времени – о первом веке нашей эры (с 30-х по 60-е гг.), и практически всё главное о том, как появилась новая религия на земле: как она созревала на территории Святой земли, как распространялась по миру и одерживала одну победу за другой. Действие романа обрывается в страшную годину репрессий и зверств императора Нерона, в котором современники увидят приход и торжество зверя, а Иоанн Богослов, ещё один евангелист, напишет о тех временах свой «Апокалипсис». Тогда и погибнут мученической смертью мои герои – Лука и Павел, как и большинство других апостолов, как и тысячи христиан, но именно эта страшная и бесчеловечная эпоха даст великий энергетический толчок для развития самой человеческой религии мира.

Дмитрий АГАЛАКОВ

ПРОЛОГ

*В тот же день двое из них шли в селение,
отстоящее стадий на шестьдесят
от Иерусалима,
называемое Эммаус...*

Святое Благовествование от Луки

Вечер алым светом лёг на стены Иерусалима. Догорали самые жестокие и страшные дни в истории человечества. И они же были великими днями надежды – только об этом до срока мало кто знал. Последнее время гудевший как осиный улей, великий город затих. Казнь свершилась! Царь Иерусалимский низвергнут! Одни упивались долгожданной местью, другие терзались великим горем.

Не верили происходившему. Не желали верить. Но так было.

В полдень пятницы на Голгофе крест с Учителем подняли и глубоко вогнали основанием в землю. То, чего всего несколько часов назад так страшился Он, прося Отца Небесного пронести мимо чашу сию, случилось. И теперь кровь сочилась из пробитых запястий и ступней, и болью заволочло глаза. На позорном столбе, под палящим солнцем, час за часом Он выпускал дух. У креста стояла Его мать, ей позволили подойти, и любимый ученик Христа – Иоанн. Он поддерживал Марию за плечи. Другие женщины, знавшие Учителя, оказались в первом ряду стихийно напиравшей толпы, оттесняемой римскими солдатами. Они плакали и молились. Его ученики тоже были здесь, но они рассыпались в той же ревущей толпе, негодующей и проливавшей слезы, пришедшей увидеть казнь.

Рядом с Ним от зноя и жажды погибали два разбойника. В эти часы одного из умирающих татей коснулось прозрение, и он сказал Учителю: «Помяни меня, Господи, когда придёшь в царствие Твоё!» И Учитель их, прибитый гвоздями к кресту, уже теряя силы, ответил ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю!» В шесть пополудни вдруг померкло солнце, и сделалась тьма по всей земле. Сколько же сердец дрогнуло от надвинувшейся тени! И вот, глядя в чёрное небо, Он сказал: «Отче! В руки Твои предаю дух Мой!» Последний раз Он взглянул на солнце, и Его не стало. И мало кто слышал, как римский сотник, каменное сердце которого дрогнуло, вдруг горячо прошептал: «Истинно говорю, Человек этот был праведник!» Вот когда, глядя в чёрное небо и слыша громы, завывли многие из тех, кто ещё недавно радовался, крича: «Распи Его!» Кто пожелал остаться – насладиться зрелищем крестных мук. Многие возвращались в Иерусалим, плача от страха и побивая себя кулаками в грудь. Страшно стало им за содеянное. Уже прорвал небо свирепый обломный дождь. Пеленой укрыв всю округу, неумолимый ливень взрывал каменистую весеннюю землю Иудеи...

Иосиф Аримафейский был авторитетным иудейским старейшиной, в Иерусалиме его уважали все, но только немногие знали, что он – искренний последователь Христа. В этот день таиться было бессмысленно.

– Я иду к Пилату, – сказал Иосиф ученикам и плачущим женщинам.

Он шагал через ливень в город, вслед за разбредавшей толпой, несколько раз спотыкался на скользкой каменистой дороге, падал и пришёл во дворец вымокший до нитки. Но силы в Иосифе не ubyло – напротив, она только преумножилась в нём. Старейшину пропустили тотчас же, и вскоре он оказался пред очами Пилата.

– Все свершилось так скоро? – спросил наместник, поймав твёрдый взгляд пожилого иудея.

– Да, прокуратор, – поклонился Иосиф Аримафейский. – Всё случилось так скоро. Мы просим отдать нам тело Учителя, чтобы похоронить Его, как требуют наши обычаи.

Понтий Пилат был против казни Иисуса. Об этом знали все. Несколько раз Пилат просил первосвященника Иудеи изменить решение синедриона и помиловать Иисуса, а казнить разбойника и убийцу Варавву, но тщетно. Разбойник не подрывал устои религии отцов, а Иисус пришёл с Новым Законом, и этот Закон притягивал к себе людей точно магнит. Того, Кто так смело назвал себя Сыном Бога, боялись! Он должен был умереть! Пилат получил отказ и, следуя правилам, согласился казнить Иисуса из Назарета. Но тонкая игла, засевшая в сердце сурового римлянина после этого решения, не отпускала прокуратора.

И теперь, сидя в кресле на возвышении, он дал ответ немедленно:

– Забери тело своего Учителя и похорони Его так, как ты считаешь нужным.

Иосиф Аримафейский поклонился наместнику и поспешил за город, на Голгофу. Но перед тем он взял с собой длинный плащ, в который они должны были обернуть тело Учителя. Иосиф подходил к горе. Три креста стояли на ней. Три человека были распяты на столбах с перекладинами. Их головы упали на грудь. Дождь омыл их раны. И только среднего из казнённых, под низким свинцовым небом, под порывами ветра, обступали несколько женщин и мужчин. Кто-то упал на колени, низко склонив голову, кто-то обхватил ноги убитого, прикинувшись к ним лицом. Одинокой фигурой стояла мать Иисуса, ослеплённая горем. Как она ни готовилась встретить судьбу, потерять сына оказалось едва ли по силам. Уже скоро Иосиф и ученики вытащили крест с телом Христа из земли и положили на размокшую землю. Все плакали, когда они, держа руки и ноги Иисуса, выкорчёвывали из дерева крепко вбитые гвозди, раскрывая ещё кровоточащие раны. Женщины держали за плечи Его мать – Марию, которая не могла оторвать взгляда от убитого Сына и только закрывала платком рот. Затем Иосиф и ученики положили тело на плащаницу и осторожно обернули его, так, точно пеленали младенца.

– Мы похороним его в скале, где уже высечена гробница, – сказал Иосиф Аримафейский, – я готовил её для себя. Идёмте же...

И он двинулся вперёд, а за ним поспешили его ученики с телом Учителя. Сзади шли поверженные горем женщины – Мария Магдалина, Мария Клеопова, две сестры – Мария и Марфа. И все они заботились о Марии, Его матери...

Стремительно темнело. Надвигалась ночь. Наконец они подошли к скале, где Иосиф Аримафейский, человек небедный и предусмотрительный, уже давно приказал выбить для себя склеп. Они положили тело Учителя на землю и все вместе отодвинули огромный камень, которым была временно закрыта погребальная пещера. Женщины и ученики зажгли лампадки. Тут, в центре склепа, на возвышении стоял каменный гроб.

Ученики стащили тяжёлую крышку...

– Тело Учителя надо омыть и умастить перед погребением, – сказала Мария Клеопова.

И другие посетовали, что в спешке не выполнили все обряды как следует.

– На сегодня хватит и дождя, который Господь подарил нам и омыл землю, – сказал Иосиф Аримафейский. Горькая улыбка проскользнула по его губам: – Как своими слезами. Завтра суббота, и мы будем только вспоминать Его, а в первый день седмицы вы, женщины, придёте и всё сделаете по закону. А теперь положим тело нашего Учителя в гроб и вернёмся в Иерусалим.

Так они сделали. Ученики положили тело Его в каменный гроб и задвинули тяжёлую крышку. Затем поставили на место и плоский гигантский камень, чтобы укрыть склеп от диких животных и птиц. Вернулись в город уже за полночь.

Суббота была тем днем, когда, следуя заповеди, нужно было все оставить как есть. В этот день отдыха и молитвы не перестававшие горевать женщины готовили благовония и масти. Ранним утром в первый день новой седмицы жёны-мироносицы двинулись к погребальной скале. Они решили, что найдут в месте упокоения того, кто отодвинет им тяжёлый камень, закрывавший гробницу. Но ещё издали женщины стали предостерегающе брать друг друга за руки и указывать вперёд.

– Смотрите, смотрите! – воскликнула Мария Магдалина. – Камень сдвинут!

– Господи! – вторила ей Мария Клеопова. – Кому понадобилось это?!

– Что они сделали с Ним? – прошептала Мария, мать Иисуса.

Жёны-мироносицы поспешно подошли к пещере Иосифа. О да, камень был отодвинут! Они осторожно переступили порог пещеры, не зная, о чём и думать. Но каково было их изумление, и страх, и отчаяние, когда женщины обнаружили, что и крышка гроба сдвинута...

Они обошли каменный гроб и осторожно, едва дыша, заглянули в него. Гроб был пуст – только скомканная плащаница лежала на дне его.

– Где наш Учитель? – срывающимся голосом спросила Мария Магдалина.

Но их недоумение было сколь сильно, столь и недолго. Почти тотчас оно сменилось благоговейным ужасом. Две молнии сверкнули у входа, на мгновение ослепив жён-мироносиц. А когда они прозрели, то на пороге гробницы увидели двух мужей в сверкающих белых одеждах. Их лица были пронизаны светом, пронзительно лучились глаза. Великая сила исходила от двух гостей. Женщинам стало ясно – перед ними стоят небожители! Женщины в страхе и почтении невольно поклонились им.

А мужи спросили:

– Что вы ищите живого между мёртвыми? Его здесь нет: Он воскрес. Вспомните, как Он говорил вам, когда был ещё в Галилее: Сыну Человеческому надлежит быть преданным в руки грешникам и быть распятым, и в третий день воскреснуть!

И сказав это, мужи исчезли – растворились в эфире. Точно и не было их. Женщины осторожно вышли наружу. Но и тут никого не было. Только яркое утреннее солнце заливало всю округу. И свежесть вдруг так сладко ранила сердца жён-мироносиц. И тяжкий камень упал с души. День разом наполнился счастьем.

– С нами говорили ангелы, – тихонько сказала Мария Магдалина. – Все сбылось, как Он и говорил нам...

Все женщины были согласны с ней. И в первую очередь Мария, Его мать. Всё, о чем её предупреждали раньше, сбылось. Объятые благоговением и восторгом, женщины вернулись в Иерусалим и пошли к апостолам, ждавшим их, и рассказали о случившемся. Но им не поверили, так велико было счастье! Глаза молодого Иоанна светились радостью, но было в них и место сомнению. У Петра дрожали губы, он и слова не мог вымолвить, только прижимал руку к сердцу. И все ловил и ловил взгляд Марии, Его матери, пытаясь понять, как такое может быть? Но и её лицо озаряло счастье, и такое счастье нельзя было надумать. И тогда Иоанн и Пётр, едва короткий рассказ был окончен, бросились из Иерусалима к гробнице. И тоже нашли её пустой. Недоумение и отчаяние, надежда и радость – что же сильнее тронуло их души? Так они вернулись в Иерусалим.

Что же оставалось Его ученикам? Не было более Учителя ни живого, ни мёртвого. Весть об исчезновении тела разнеслась быстро, но люди едва ли могли понять случившееся! Около сотни апостолов, из одиннадцати и семидесяти, и сочувствующие им, и женщины, ходившие за Учителем и помогавшие Ему, не знали, как им быть дальше. Они ещё не успели оплакать распятого, а теперь и некому было воздать должное! Далеко не все верили в Его воскресение, даже самые близкие. Слишком невероятным это казалось! Так проходил третий день после крестных мук, который уже скоро изменит календарь всего мира, и люди всей земли будут именовать его Воскресением.

И день этот клонился к закату. Ничего не оставалось, как попрощаться друг с другом и разойтись на ночлег. Да только что хорошего мог принести им новый день? Усталость брала верх над всеми. Такие испытания когда ещё узнает сердце человеческое!

Вечер принёс прохладу со стороны Средиземного моря. Алый закат густо зажгёт горизонт. По дороге из столицы Иудеи шли два путника. Оказавшись в буре последних дней, они очень устали. Путники продвигались в сторону Эммауса, небольшого селения в шестидесяти

стадиях от Иерусалима. Они больше шагали молча, но иногда между ними вспыхивал яростный диалог. И тот, кто мог бы приблизиться к ним и услышать их разговор, искренне пожалел бы двух путников. Короткие реплики, полные горя, обиды и разочарования, ранили ночь. Сколько отчаяния было в них! Как неистово стучали их сердца!

Двух людей – юношу и зрелого мужа – могли услышать небеса...

– Я не верю, не верю, – иступлённо твердил тот, кто был старше. – Как такое могло случиться, что воля первосвященника и прокуратора оказались крепче Его воли и силы? Что верх взяли деревянный крест и гвозди палача?!

– А ведь Он обещал нам прийти во славе сияющей и грозной и стать царем Иерусалима! – вторил ему второй, совсем ещё юноша.

– И кто дерзнул похитить Его тело? – продолжал сетовать первый. – Что теперь делать нам? Куда идти? Во что верить? Как жить дальше?

– Я вернусь домой, Клеопа, – твердо сказал юноша. – Не хочу оставаться здесь, где мы потеряли Его. Я уплыву в Антиохию...

В усмешке того, кого называли Клеопой, была горечь:

– Только это нам и остается – разойтись по домам. Но как мы сможем забыть то, о чём Он говорил нам?

Они ещё долго обсуждали увиденное и пережитое, во что плохо верилось, да что там – не верилось вовсе! – обсуждали с горечью и болью. Голгофа, крестные муки, смерть...

До Эммауса было три часа ходу... Позже юный спутник Клеопы вспоминал то, что он видел. Так бывает в пустыне в жару, когда разные образы встают у тебя перед глазами и сладко ранят твоё воображение. Тебя мучает жажда, и ты видишь перед собой оливковое дерево и ручей рядом с ним. Вот и сейчас что-то особенное вдруг успокоило его сердце. Утолило часть его жажды! Юноша обернулся, и ему показалось, что он видит на середине дороги за их спинами Путника. Да мало ли кого встретишь на дороге! Но Этот... Его фигура точно преломлялась в закатных лучах солнца. И Он неспешно, но так верно догонял двух товарищей, чьи сердца в эти дни оказались разбиты. Что ещё запомнилось юноше? Когда позже он будет рассказывать об этой встрече, то сообщит, что видел немного: серый плащ странника, посох в руках Путника, Его длинные волосы, лежавшие на плечах, Его ни с чем несравнимую стать...

И вот уже они услышал вопрос:

– О чём вы рассуждаете между собою и отчего так печальны?

Многие люди годы напролёт будут задавать вопросы тому, кто в эти дни был отчаявшимся юнцом: «Но как это случилось? Как Он подошел к вам! Что с вами было в эту минуту?» – «Он просто поравнялся с нами и заговорил, – будет отвечать он, свидетель. – Но мы словно ждали Его. Я ждал...» – повторит, и не раз, товарищ Клеопы. А сам будет вспоминать, как алый свет закатного солнца озарял умиротворённое лицо Путника. Такое спокойное и ничем не взволнованное в этот страшный день. Точно ничего и не случилось в мире! Словно мир жил по своим законам как и следовало ему жить вовеки веков, а не горько плакать и рыдать о своей потере! Но вопрос Путника тронет за живое пылкого и взбешённого Клеопу. Юноша запомнит взгляд старшего товарища, как он зло и с насмешкой посмотрит на него, своего друга: мол, вот ведь вопрос! И откуда такой взялся? И, конечно, не сможет промолчать.

– Ты идёшь из Иерусалима, – с горькой усмешкой бросил Клеопа. – Неужели Ты не знаешь о том, что произошло в городе в эти дни?

Юноша ждал ответа Путника! И заранее был уверен, как Тот поведёт себя.

– Но о чём я должен знать? – спросил шагавший вровень с ними Путник, улыбаясь уверенно и светло.

Да, именно так! Словно великий покой царил в мире и не было в нём места горю. Лицо Его освещало закатное сияние. Юношу будут спрашивать: «И ты не запомнил Его?» – «Нет, – будет отвечать он. – Но сердце говорило, что я Его знал – знал всегда...» Вот это спокойствие и

величие, эта безмятежность раздосадовали Клеопу. Такое невежество и неучастие в делах мира возмутили его! Но разве может человек Благой Вести долго злиться и негодовать? И Клеопа, набравшись терпения, рассказал Путнику о великой трагедии, случившейся в эти дни, о том, что было с Иисусом Назарянином.

– Был Он пророк сильный в деле и слове пред Богом и всем народом, – с горечью говорил Клеопа, – и вот Его оговорили и предали первосвященники, осудили на смерть и распяли! А мы надеялись, что Он есть Тот, Который должен дать славу Израилю! Вот уже три дня, как это случилось. А теперь ещё и женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его. А когда пришли, то сказали, что видели явление Ангелов, и те Ангелы сказали им, что Он жив. Были и те из нас, кто сразу пошли ко гробу. И что же? Оказалось всё так, как женщины и говорили. Пусто! – Клеопа даже развёл от отчаяния руками. – Одна только плащаница, в которую завернул Его тело благочестивый Иосиф из Аримафеи. А Самого Его мы более не видели!

Пронзительно алый закат слепил глаза. Далеко позади остался Иерусалим и Масличная гора, на которой Иисус произнёс проповедь. И где молился в день ареста. А ведь это было всего три дня назад! Позади осталась Голгофа – страшная гора смерти... Юноша не мог рассмотреть лица Путника. Эфир точно ожил в эти минуты. Краски и тени менялись местами. Но отчего всё было так? Но хватало и того, что было. Юноша запомнил его глаза! Пронзительно светлые! И улыбку. Так улыбался его отец – давно, дома...

– Не знаем теперь, что нам думать и как нам быть! – добавил Клеопа. – И куда идти! А столько было надежд! Вот он, грек, – он указал на юношу, – плыл сюда встречать зарю нового мира! В Иудею!

– Всё так, – опустил глаза, кивнул юноша. – Так мне сказали об этих днях...

Алый закат резал небеса вдаль, сёк лучами горы.

– А что теперь? – воскликнул Клеопа.

– Но все ли хотели Его смерти? – услышал вопрос юноша.

И опередил Клеопу.

– Нет, не все! – горячо воскликнул он. – Не весь народ иудейский повинен в смерти Учителя! Народ, скорее, уповал на Него, но толпа подученных и озлобленных поддержала первосвященников, добилась этой казни!

– Пилат пошёл у них на поводу, – согласился Клеопа, – не спас Его. А мы надеялись на Учителя как на Мессию-Царя. На Его справедливость, на Его слово! Что крепко оно...

– Уже третий день ныне, – разочарованно сказал юноша. – И этот день кончается. Он обещал вернуться, обещал нам, что на третий день воскреснет!

Алая полоса заката, что кровью пролегла над весенней землей Иудеи, её холмами, равнинами и деревьями, угасала. Близилась ночь...

– О, несмышлёные и медлительные сердцем, – Его голос коснулся самых глубин сердца юноши. – Слабые волей! Неужели так трудно поверить тому, что предсказывали пророки? Вспомните же! Разве не так надлежало пострадать вашему Учителю и войти в славу Свою?

Юноша не мог понять, то ли Путник обращается к ним, то ли к самому себе и звёздам. Он говорил – и говорил долго. И голос Его звучал над каменистой дорогой, по которой они шли, и уходил дальше, так казалось юноше, к рощам и холмам Иудеи, и далее во все стороны света: к Мёртвому морю и Средиземному, к Галилейскому озеру и Ливанским горам. Оказавшись мудрым и знающим все тайны, Он напомнил им историю патриархов и пророков, до прихода их Учителя. И объяснил, что иначе и быть не могло! Что всё случилось так, как и должно было случиться!..

Два товарища слушали Его, не проронив ни слова. И никто из них не задумался о том: как такое могло быть, что Путник ничего не знал о трагедии в Иерусалиме, но всё знал об их

Учителе и Его месте на этой земле? Они только слушали Его голос и радовались сердцем. И ничего им больше было не надо.

А тем временем они приблизились к тому селению, в которое шли.

– Куда тебе идти – уже ночь, – сказал оттаявший сердцем и умиротворённый Клеопа. – В Эммаусе живут мои родные. Будет добрый ужин, сделай милость – останься.

– Да, останься с нами! – вдруг попросил юноша – он и не смел предложить такое сам.

Но и впрямь, уже давно стемнело, и теперь одна рубиновая полоса освещала далёкий неровный горизонт.

– Мы продолжим нашу беседу у очага, – вторил Клеопа.

– Нам так хорошо слушать Тебя, – неожиданно признался юноша. – Останься...

Позже рассказывая об этом, он скажет, как, сам того не осознавая, рукой коснулся руки Путника. И как посмотрел в Его глаза. Пронзительные, светлые даже сейчас, ночью, и абсолютно спокойные. И как на мгновение осёкся, увидев в них весь мир...

– Пусть будет по-вашему, – услышали они в ответ, – я останусь с вами.

...И вот уже они возлежали у огня, ожидая трапезы. Хозяева положили перед ними хлеб. И тогда Путник взял этот хлеб, благословил его, преломил и подал двум товарищам.

И они взяли по ломтю преломлённого каравая. И тогда случилось это! На что юноша-грек будет говорить: «Рябь прошла перед глазами! Точно, дрогнув, изменился мир! И когда он прояснился... Был тот же огонь, та же трапеза, то же вино в чарках... И всё было иное!» Их глаза открылись, и они узнали в Нём Того, Кого уже отчаялись когда-нибудь увидеть и услышать. Они увидели Его в лёгком чудесном свете, целого и невредимого, с улыбкой и глазами, в которых трепетала жизнь всех поколений людей, приходящих на землю. Они увидели Сына Человеческого, Бога живого, Мироздание и саму Вечность. В эти мгновения они увидели и узнали более, чем могли бы, проживи хоть сто жизней! Ему даже не надо было говорить ни единого слова – все было понятно!

И тотчас, как только истина вошла в них, Он стал невидим для них.

– Я знал, знал! – поражённый до глубины души, вскричал юноша. – Когда на дороге взял Его руку, Клеопа! Уже тогда сердце горело во мне!

– Да, и я почувствовал эту силу, когда Он изъяснял нам Писание! – счастливый, подтвердил его товарищ. – Господи, это был Он!

– И Он жив! Сбылось пророчество! Сбылись все слова...

– Мы возвращаемся в Иерусалим! – вставая, сказал Клеопа. – Идём же, поторопимся!

Они так и не поели – им хотелось как можно скорее вернуться в столицу и найти апостолов, чтобы поведать им о счастливом воскресении их Учителя, о свидетельстве Его вечной жизни.

Часть первая К ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

*Кого Он предопределил, тех и призвал,
а кого призвал, тех и оправдал;
а кого оправдал, тех и прославил.
Что же сказать на это?*

Если Бог за нас, кто против нас?

Из Послания к Римлянам святого апостола Павла

1

Древняя Антиохия – белокаменный город на берегу Оронта! Благословенная Антиохия – город оливковых рощ, апельсиновых и лимонных садов! Город древних мореплавателей и купцов! Он брал начало на берегу обширной Средиземноморской бухты, в которую впадала чистейшая синяя река, питаемая пресноводными горными источниками. Антиохия разрасталась у широкого устья, и далее, домами и храмами, мощёными улицами и стрелами кипарисов поднималась по руслу Оронта вверх, к предгорьям приморских вершин. Шумные базары, ароматные зелёные сады островками были разбросаны тут и там. А за городом расходились во все стороны, расплзались по гористой округе оливковые рощи и виноградники. Почти что рай на земле! Триста лет назад Антиохию основал друг и сподвижник Александра Великого – Селевк Первый Никатор, город разбили на четыре гигантских квартала, каждый из которых представлял крепость. Потом они срослись воедино, и буйно цветущая южная флора, обняв и завладев ими, навсегда стерла эти границы. Нынче это был мирный оазис купцов и ремесленников, учёных и жрецов, виноделов и овцеводов, счастливый город на окраине Римской империи, чья власть в эти годы казалась незыблемой и устрашающей. Ведь империей правил грозный и дальновидный император Тиберий!..

Дома состоятельных жителей Антиохии, выложенные из белого камня, занимали центральные кварталы города. Их слепящие глаза стены – на южном-то солнце! – и весёлые рыжие черепичные крыши выныривали из плотных волн зелени. А жилища богачей спорили и с самим солнцем! – уложенные золотыми пластинами крыши дворцов пускали солнечные зайчики прямоёхонько под облака! Густые сады антиохийцев благоухали фруктами и цветами, укрывая от зноя в тени плодовых деревьев своих хозяев. Лимоны и апельсины, фиги и оливки сами тянулись к рукам. В этих садах залиристо пели птицы, журчали фонтанчики, готовые в любую минуту напоить хозяев, их гостей, рабов и рабынь, дать ополоснуть руки и лицо в жару. У такого вот фонтанчика хорошо было сесть на скамью и открыть книгу – Вергилия, Горация или... Овидия. Его имя наконец-то стало возвращаться в дома граждан великой империи. Потому что немногим более десяти лет назад в местечке Нола, в далекой от Антиохии италийской Кампании почил великий император Октавиан Август, сделав наследником своего пасынка. И все чаще просвещенные жители империи доставали прежде запретную книгу Овидия Назона – «Искусство любви», ставшую прижизненным проклятием великого поэта Рима и острым чувственным переживанием для всех граждан империи.

Остроклювый дрозд выпорхнул из кроны оливкового дерева и стремительно опустился на книгу, что лежала закрытой на старой рассохшейся скамейке в одной из таких вот городских усадеб в центре Антиохии. Но авторство книги не принадлежало великим поэтам Рима – дрозд приземлился на сочинение величайшего врача всех времен и народов грека Галена, труды которого считали за правило вызубрить все врачи великой империи. Но шустрой птице

не было дела до содержания книги – на обложке чудом оказалась распухшая после жарки дынная семечка! Дрозд клюнул раз – и семечка перевернулась, затем второй – та бойко подскочила, и следом, очень жёстко, клюнул третий раз. Семечка подлетела, дрозд хотел было поймать её, но тут из кустов акации бойко шагнул к фонтанчику мальчишка лет десяти в подпоясанной тунике, с доской в руках.

– Я тебе! – весело погрозил он пальцем в миг всполошившейся птице. – Отца на тебя нет! За своё сокровище он бы тебя в миг ошипал!

Дрозд, так и не успев схватить добычу, вспорхнул и улетел. Мальчик подошёл к скамье и, собрав пальцы для щелчка, ловко ударил по семечке, отправив её точно в голубую рябь воды лениво журчащего фонтана. Посмотрев на книгу, мальчик сделал кислую мину, выдавая свои чувства, что книга ему хорошо знакома, и сел рядышком. Над его головой зеленела раскидистая олива. За листьями проглядывали синие озёрца неба и белые облачка. Он любил это дерево больше других – а почему, и сам не знал. Пышная олива словно прятала до срока в себе тайну, которую ему только ещё предстояло разгадать.

Мальчик положил планшет на колени – к нему был прикреплен лист твёрдого пергамента. А вот на пергаменте готовился прыгнуть за добычей чёрный котик, нарисованный углем. Только хвост этот кот потерял – куда он делся? Мальчик улыбнулся своему рисунку и завертел головой. Надо его найти, надо! И кота найти и его хвост!

– Кис-кис-кис! – Он звал его тихо, точно боялся открыть себя в этом саду. Маркус! Где ты?! – Мальчик готов был разгневаться не на шутку. – Маркус! – Он даже нахмурился. – Бездельник! – Вот это «бездельник» нравилось ему больше всего. Так ласково называли любимца в этом доме его мать и отец. Было в этом слове что-то снисходительное и трогательное одновременно!

Но кот не желал появляться! И мальчик разочарованно вздохнул. Что ж, понимал он, теперь ему придётся обойтись без натурщика! Но только он занёс руку с углём над пергаментом, чтобы дорисовать хвост, как на балконе дома, под шёлковым тентом, появилась молодая женщина в тунике. Она, чем-то озабоченная, стала осматривать сад. И как же сразу оживилось её лицо, когда она увидела рядом с фонтаном сидевшего мальчугана с планшетом в руках! Лицо её расцвело, и лукавая улыбка появилась на губах. Наблюдая за мальчиком, женщина покачала головой; она даже прикусила губу, чтобы не рассмеяться!

– Лука! – очень громко и неожиданно твёрдо позвала она.

Мальчик встрепенулся, как совсем недавно дрозд, испуганный им, спрятал доску за спину и завертел головой.

– Лука! – в её голосе теперь звучало снисхождение. (Наконец он зацепил её взглядом и сконфузился.) Кто тебя ждёт уже целый час, а? Чтобы учить уму-разуму, – в её голосе не было осуждения, только материнская нежность. – Но ведь нет, ты вновь взялся за свои рисунки! – Она с притворным негодованием всплеснула руками. – Помоги нам Афина! И Асклепий, между прочим, тоже! Только не Аполлон! – Женщина покачала головой. – Где ты должен быть, как и всегда, после обеда? И обязательно в фартуке!

Юный художник не отвечал, пряча за спиной рисовальную доску, только разочарованно и виновато опустил глаза.

– Вставай, милый, вставай. Отец зовёт тебя. – Она загадочно улыбнулась сыну. – Сегодня он покажет тебе что-то очень интересное! И расскажет тоже! Твой отец давно готовился к этому!

Мальчик вздохнул: знал он всё это интересное, что может показать ему отец! Тонкие посверкивающие ножи и крючки, пилюли и порошки. Тройка человеческих черепов – старый и новый – с противными трещинами. И ещё один, совсем уже старый, с дырой от дротика. Так сказал ему отец! Он помнил, как мурашки пробежали у него по спине, когда он впервые увидел эту дыру! Он точно услышал свист дротика и страшный хруст, от которого сжалось сердце! И

хриплый крик человека, воина! Что ещё увидит он? Сердце в сосуде. Человеческое, разумеется! А в другом – печень и почки! Брр! Не то чтобы он боялся этого сердца и других потрохов, и все-таки: брр! И новые, новые слова на мудрёном латинском языке – от которого некуда было деться! Они настигали его в любом уголке дома или сада! Эти слова он обязательно должен был заучивать по пять штук каждый день. Однажды он попробовал понизить счет до трёх, но отец строго сказал: «Через пару лет будешь учить по десять, и это только начало! Ты станешь таким же учёным, как я. И никуда от этого не денешься! Я хочу тобой гордиться, мальчик мой!»

– Ну, Лука? – Весёлые глаза матери потеплели: – Ты меня понял? Иди к нему, малыш, иди! – Она стала очень серьезной. – Слышишь?!

– Иду, – вздохнул он, встал со скамьи и направился по аллее сада в сторону лаборатории.

Женщина облокотилась о перила и положила голову на ладонь. Она улыбалась, провожая взглядом сына.

Лука прошёл через сад. Вот и белый домик, окружённый оливами. Тут его отец и мудрил с порошками, звенел инструментами! Лука переступил порог. Отец в короткой тунике и фартуке возился у стола со склянками.

– Нашёлся-таки? – не оборачиваясь, спросил он.

– Ага, – ответил мальчик, виновато опустив голову.

Его отец был крепышом – широкие плечи, тугие икры. Густая шевелюра, побитая серебром.

– И вновь, конечно, гонялся за Маркусом?

– Он не сидит на месте. – Мальчик готов был рассердиться. – Как я его ни уговаривал!

Отец обернулся – густая в седину борода, пшеничные волосы, ясные глаза – широко улыбнулся сыну:

– А как же ты хотел, Лука? – Он развёл руками. – Маркус не фиговое дерево! На месте не удержишь. Хвост скорее отдаст, а убежит!

Мальчик тоже улыбнулся – отец умел насмешить его.

– Вот как раз хвост я и не успел нарисовать, – пожаловался Лука. – Сам дорисую.

– Так ему и надо – твоему Маркусу, – кивнул отец. И сразу стал очень серьезным. – Клянусь Аполлоном, Лука, мне нравится, что ты любишь рисовать! Я был восхищён, когда увидел твои лютики на той доске, которую ты увёл у нашей стряпухи, пока она спала. Да-да, увёл! – Он улыбнулся. – Но лютики того стоили!

– Правда? – Глаза мальчика просияли.

– Правда. Но, – он поднял палец вверх, – послушай, малыш. – Отец внимательно посмотрел в его синие глаза. – У тебя должна быть настоящая профессия. Крепкая, серьезная, главная. Иди сюда.

Лука приблизился к отцу.

– Профессия, как у твоего отца, – он указал пальцем на свою грудь, – у меня. Ведь я стал врачом, потому что мой отец выбрал эту профессию, и его отец тоже был врачом. Боги даровали нам это умение через наше сердце и наш разум. Мы обязаны помогать людям, лечить их раны. И потом, это искусство дано немногим, и за него, клянусь Меркурием, хорошо платят. Так разве это плохо? – Он требовательно посмотрел на мальчика. – Ответь. Ведь когда-то тебе самому придётся зарабатывать на кусок хлеба. Это будет нескоро, но обязательно будет! Подумай и ответь.

Лука пожал плечами.

– Наверное, хорошо.

– Клянусь всеми богами Олимпа – ты умница! – снисходительно рассмеялся отец. – Именно, Лука, – он заботливо прижал его к себе, отстранил и стал очень серьезным, – это очень хорошо. Запомни раз и навсегда: если ты зарабатываешь себе на жизнь, – отец по обыкновению и для пущей убедительности стал загибать пальцы, – этим приносишь пользу людям

и при этом ещё все довольны и счастливы – значит, малыш, боги благоволят тебе! А многие ли могут похвастаться таким положением вещей? Послушай. – Он сел на табурет, потянул к себе мальчика за руку. – Мир несовершенен и жесток, и ты однажды поймёшь это. Как правило – один грабит другого и счастлив в одиночку. Но долго ли продлится его так называемое счастье? И может быть, этому человеку только кажется, что он любим богами? А на самом деле боги только испытывают его, предлагая ему всё новые и новые выгоды? Но выгоды за счёт других людей – за счёт их счастья. И всё однажды обернётся для него великим горем? Вот чего надо бояться – своей жадности, своего тщеславия, своего видимого временного всевластия, – отец потряс указательным пальцем, – а главное – гнева всевидящих богов! Живи так, чтобы не страшиться этого гнева и всегда быть здесь, в сердце, – он приложил руку к груди, – и тут, в голове, – он коснулся пальцами лба, – в согласии с небесами! И, конечно, с самим собой. А потому, – хлопнув по коленям, отец встал, – сейчас мы займёмся новым уроком!

Лука тяжело вздохнул – он заранее знал, чем закончится тирада отца! Новым уроком! И удивился бы, случись по-другому! Но он любил своего отца, сильного и мудрого, у которого на любой вопрос был такой ответ, который не мог не коснуться юношеской души, а иногда мог и развеселить. Он часто хотел признаться ему в этой любви, но стеснялся выдать свои чувства...

Отец и сын подошли к столу. На нём были разложены всевозможные «хирургические инструменты», как называл их отец. Одним из них, тонким ланцетом, лет пять назад Лука умудрился распороть себе ладонь и потом долго ревел. А мать, напугавшись, ещё дольше успокаивала его. С тех пор ему не давали подходить к столу, теперь же отец сам подвёл его к своему алтарю. Лука послушно встал рядом с отцом.

– Сегодня я расскажу тебе об этих удивительных инструментах, – сказал тот. – И о том, какую пользу они могут принести человеку!

Лука поморщился – от внимания отца не скрылась его гримаса.

– Не веришь?

Мальчик задумался. Инструменты так и кололи глаза.

– Не знаю.

– А я тебе расскажу. Вот это, – отец взял первый инструмент, – хорошо тебе известный ланцет – пять лет назад ты им располосовал себе ладошку и потом долго кричал. А твоя мать напугалась ещё больше тебя. Помнишь?

Лука печально вздохнул:

– Помню.

Скверная была история! Отец мог бы и не спрашивать!

– Отлично. Вот это, – врач взял два новых инструмента, похожих на две лопаточки – вытянутую и круглую – обе на длинных ножках, – зонды, ими открывают рану, чтобы узнать, какой урон нанесён человеку, как глубока рана, или же – вытащить наконечник стрелы. А вытаскивают этот наконечник или серебряной петлёй, – он поменял инструмент, – или же пинцетом. – Отец взял в пальцы другой инструмент и пощёлкал его тонкими ножками друг о друга. А вот иглы – ими зашивают раны. В их ушко продевают шелковую нить и стягивают рассечённые края плоти.

Мальчик поёжился.

– Няня говорила, что тебе ещё рано узнавать такие вещи, но я решил – самое время. Раньше узнаешь – раньше поймёшь. Тот доедет быстрее, кто встанет на заре, оставив иных дрыхнуть в поле у развалин костра, и первым двинется в путь! Понял?

– Ага, – отозвался Лука.

– А вот прижигатели. – Отец поднял два новых инструмента. – Они бывают разные – мало ли какую рану больного придётся прижечь врачу!

– Но зачем прижигать рану? – спросил Лука.

– Если рану не обработать, она загноится. Помнишь, наш садовник поранил палец, а я был в отъезде? Что было дальше с его пальцем?

– Ты его отрезал.

– Правильно, его палец распух, и когда я вернулся, мне ничего не оставалось, как только отрезать его. Ничего, наш садовник до сих пор хорошо справляется со своей работой и без одного пальца! – Отец стал очень серьезным. – А теперь представь, во время боя стрела ударила воина в плечо. Она вошла глубоко, и он, мучаясь болью, попытался вырвать её прямо на поле сражения, но сломал. И наконечник остался там, внутри, в его теле. Пройдут сутки, и рана воспалится, воин начнёт страдать. Ещё двое суток, и зловонным гноем станет истекать такая рана, воин станет гнить живым... Отчего ты морщишься, малыш?

– Противно, отец, – поежился Лука.

– Возможно, но только поначалу. – Отец поднял голову и мечтательно поглядел в окно, за которым зрели тяжёлые рыжие апельсины. – Однажды эти инструменты станут продолжением твоей руки, твоих пальцев – и тогда они уже не будут противны тебе. Ведь именно этими инструментами ты станешь творить чудеса! Излечивать болезни, спасать от неминуемой смерти! Чья-то жизнь, многие жизни окажутся в твоих руках! – Он взглянул на сына. – И даже не думай, что случится иначе – всё будет именно так! Но вернёмся к нашему воину. Через несколько дней воспаление охватит все его тело, воин будет мучиться жаром, а потом... а потом, сынок, он умрёт.

– Но как же ему помочь? – искренне поинтересовался Лука. – Папа?

– Вот! – Отец поднял палец. – Как ему помочь?! А для этого и существует, сынок, этот зонд. – Он вновь взял вытянутую серебряную лопатку, и взял вторую. – Раненому воину дадут много крепкого вина, и оно понизит боль. Ему дадут трубку из тутового дерева, и он сожмёт её зубами, чтобы не кричать. Может быть, его будут держать за руки и за ноги, чтобы он не вырвался и не помешал операции. Затем один врач введёт оба зонда в его рану и раздвинет её – это будет очень больно! А другой врач, – отец отложил оба зонда и вновь взял рогатый серебряный прибор, – возьмёт широкий пинцет, – отец пощёлкал уже другими, широкими серебряными рожками, – и введёт его в середину между зондами. Там он нащупает обломок стрелы, крепко захватит его концами пинцета и вырвет стрелу из раны. Будет много крови, но это ничего. Затем рану воина промоют крепким вином и умастят целительными бальзамами, которых великое множество в каждой земле, и только потом один из хирургов возьмёт кривую иглу, – отец взял со стола иглу, – заранее обожжённую на огне, протянет через ушко шелковую нить и зашьёт рану воина. И если будет угодно богам, всего за неделю эта рваная рана заживёт, ведь свежие раны заживают быстро, а через месяц от неё останется лишь рдяно-красавый шрам – и воин вновь сможет оказаться в седле! Не погибнуть, а вновь драться за свою великую империю! Защищать нас с тобой, малыш! Более того, его шрам расскажет о его доблести и станет лучше любой награды. Ведь шрамы, как известно, украшают мужчин, – отец улыбнулся, – и в особенности в глазах женщин! Вот какая награда ждёт его вместо мучительной смерти! Но только в том случае, если рядом окажется опытный врач! Такой, как я. – Он кивнул. – И такой, каким однажды будешь ты. (Глаза мальчика уже непроизвольно сияли.) Понял, какое чудо я собираюсь подарить тебе?

– Понял, отец.

Тот потрепал сына по золотистой шевелюре.

– Вот и молодец! Иного я не ожидал. А теперь займёмся делом.

– Каким делом? – насторожился Лука.

– А вот таким. – Отец направился к соседнему столу и отбросил холстину.

На столе лежала баранья нога и была видна широкая рана.

– А зачем нам баранья нога? – осторожно спросил Лука.

– Но ведь у нас нет раненого воина под руками – правильно? Нет? – переспросил он, глядя в глаза сыну.

– Нет, – ответил тот.

– Вот видишь, есть только баранья нога. Именно в эту ногу я совсем недавно и воткнул наконечник стрелы. И сейчас ты возьмёшь оба эти зонда, – отец взял со стола уже известные Луке предметы, – и пинцет, – отец прихватил и пинцет, грозно пощелкал им перед носом сына, – и начнёшь свою первую в жизни операцию!

– Не-е, – скуксился Лука.

– Ещё как да-а, – ответил отец. Он снял с крючка вешалки фартук и подал его сыну. – Надень, так надо. Ведь ты мужчина и будущий врач. И оттого, какие навыки ты приобретёшь сейчас, будет зависеть, чего сможешь в этой жизни, чего будешь стоить!

Лука, смирившись, надел рабочий фартук – он уже делал это и раньше.

– Вознеси хвалу богам – Асклепию в первую очередь! И готовься к операции, сынок, а я, уж поверь, не оставлю тебя без совета! А потом мы зажарим этого барашка на углях, и, поверь мне, Маркус обязательно найдётся, как только почует запах вкуснятины!

Они вышли из отцовского домика через час. Когда подходили к дому, Лука поднял голову. С балкона на них смотрела мать.

– Ну так как, мои дорогие мужчины, Асклепий может гордиться вами? – с улыбкой спросила она.

Отец взглянул на сына – и Лука счастливо кивнул.

– Я вытащил эту стрелу! – громко выкрикнул он. – Промыл рану вином и зашил её! Баран будет жить, мама! И овцы полюбят его ещё сильнее!

Они стояли под самым балконом.

– Ваш баран будет жить? – искренне удивилась мать. – И нравиться овцам? – В её глазах отразилось недоумение. – Вы чем там занимались: делали первую операцию или оживляли несчастное животное?

– Если наш баран и будет нравиться овцам, то в загробном мире. – Отец положил руку на плечо сына. – А в этом уже через пару часов он предстанет нам в виде чудесного жаркого!

– Это другое дело, – кивнула мать. – Кстати, Лука, я тут видела твоего пушистого друга Маркуса – он вылетел на меня чёрной молнией, зашипел, как змея, и вновь улетел в кусты. Что ты с ним сделал, когда его рисовал?

Лука посмотрел на отца: кажется, того тоже заинтересовал этот вопрос.

– Ну, что ты с ним сделал, художник? – живо поинтересовался отец.

Мальчик пожал плечами:

– Пытался привязать его к скамейке, – честно признался он. – А как мне ещё было заставить позировать нашего бездельника?

Через два часа они ели баранину, зажаренную на углях, с бобами и зеленью. Глиняная миска была наполнена свежее выпеченным хлебом. Два серебряных кувшина стояли на столе. Отец и мать пили из одинаковых чаш – но каждый своё вино. И Луке досталось немного – из материнского кувшина с большим количеством колодезной воды! Слуг отпустили – отец сам ухаживал за ними.

– Люблю янтарное фалернское, – призналась мать, глядя в глаза мужу. – Но только наполовину разбавленное, тем более, в обед.

– А я, как упокоившийся с миром император Август, да хранят его боги, предпочитаю простое ретийское – крепкое и бодрящее! Ну, так что, за твою первую хирургическую операцию, сынок?

Они подняли чаши и пригубили вино. В эту самую минуту из-за дома чёрной тенью вышел кот Маркус. Запах жареной баранины, как маяк, вывел его. Кот подходил осторожно,

с опаской поглядывая на Луку. Его хвост, этот неуловимый хвост, так и подергивался из стороны в сторону. «Мяу», – Маркус примирительно посмотрел на хозяев. Лука непроизвольно потянулся за доской, которая лежала рядом, взял уголь.

– Доел бы, сынок, – посоветовала мать.

Отец отрицательно покачал головой, что означало: пусть рисует! Нацелившись глазами на кота, который в нерешительности остановился шагах в десяти от стола, Лука в два счета пририсовал коту хвост – и животное на пергаменте сразу ожило, стало тем Маркусом, которого знали и любили все. Нанося последние штрихи, мальчик ликовал.

– Покажи, – попросил отец.

Лука повернул доску к отцу и матери. Мать улыбнулась, отец удовлетворённо кивнул.

– Как живой, – честно признался он. – Клянусь Аполлоном, сейчас так и прыгнет! Что скажешь? – взглянул он на жену.

– Боги милостивы к тебе, сынок, – улыбнулась мать. – И я благодарна им за это.

Отец разлил вино по чашам.

– Я не против, чтобы Лука был и медиком и художником. – Он пожал плечами: – Почему бы и нет? Если и впрямь боги преподнесли ему не один, а несколько даров, глупо было бы не воспользоваться ими, правда? – Он выпил свою чашу разом. – Скажу тебе так, Лука: я куплю тебе самые лучшие краски и найму лучшего в Антиохии педагога!

– Именно – лучшего, – кивнула мать. – Рисуй, малыш, – она поймала взгляд мужа, – а мы будем гордиться тобой!

– Только больше не привязывай кота к скамейке, – подмигнув жене, посоветовал отец. – А то он обидится и уйдёт!

– Не буду, – со всей искренностью пообещал мальчик.

Лука был счастлив услышанному – он и не мечтал о таком повороте дела! Вдруг что-то коснулось ноги мальчика. Он опустил голову и увидел своего чёрного, как ночь, любимца. Заурчав грудью, кот уже тёрся о его ногу. Простил, хитрец! Лука погладил его. Маркус заискивающе поднял чёрную усатую физиономию – ему так хотелось сочной ароматной баранины!

– Что, бездельник, проголодался? – спросил у него Лука.

Маркус посмотрел в глаза молодому хозяину и примирительно вымолвил: «Мяу!»

2

Корабли, вышедшие в Средиземное море из бухт Сирии или приближавшиеся к ним, уже несколько часов кряду трепетали в ожидании шторма. С запада, со стороны Кипра, шли беспокойные свинцовые волны. Ветер, непредсказуемый и злой, бросался на корабли и терзал паруса. Судно «Вестник богов» было одним из тех, что попало в эту предгрозовую качку. Восемнадцатилетний Лука стоял у борта корабля, крепко вцепившись в поручни, а над его головой то и дело раскатисто-громко хлопал кормовой парус, с трудом удерживая направление судна.

– Клянусь Зевсом, это хорошо, что мы взяли лекаря на борт! – усмехнулся капитан корабля, проходя мимо молодого пассажира. Шагая широко и вразвалку, он вцепился в трос и отхлебнул из кожаной фляги. – Кто знает, может быть, тебе ещё придется потрудиться во имя Асклепия и назло Посейдону!

Лука рассеянно кивнул. Всего две недели назад он сказал своим родителям: «Хочу увидеть мир!» – и они не стали останавливать его. Видно, очень уверенно смотрели в ту минуту его глаза. Но правильно ли он поступил? Как это важно – угадать следующий шаг! Поддавшись лихорадочному импульсу сердца, неверному желанию, не шагнуть опрометчиво в сторону, не сбиться с курса. Сколько людей, поступая именно так, раз и навсегда уходили со своего пути!

Сбивались! И погибали. Большая часть всех людей, живущих на земле! Что стоит шторму через пару часов расправиться с ними?

Но всё это было не про него – юноша верил в это.

Лука всматривался в берег: в ясный день его было видно как на ладони, но сейчас он ушёл в зыбкую сизую мглу, смешавшую линию горизонта. Пенящееся серое небо и кипящая зыбь черной воды обещали скорую и страшную бурю. Лука был уверен, что поступил так, как должен был поступить. А шторм – шторм он переживёт! У них отличный капитан! Торговый корабль намеренно не уходил далеко от суши, выбрав каботажный курс¹, но Лука видел, что матросы готовились к шторму средиземноморской стихии – к бою не на жизнь, а на смерть.

– Я забыл, куда ты плывёшь, юноша? – уже собираясь идти дальше, спросил капитан.

Но Лука не ответил. Плотная волна разбилась о борт и окатила их с головой. Капитан, отряхиваясь как лев, вырвавшийся из воды, расхохотался, глядя на ошарашенного юношу.

– Кажется, в Ашкалон?.. – готовый к битве, закончил вопрос капитан.

– Нет, в Кесарию! – утираясь рукавом, балансируя у паравета, громко отозвался Лука.

– Верно! – кивнул капитан. – Клянусь, ты уже сожалеешь, что не отправился посуху, верно, и молишь богов о пощаде?!

– Да нет, вовсе не жалею! – упрямо возразил Лука, но голос его выдал. – И пока не молю богов!

– А зря, юноша! – рассмеялся капитан. – Вот я так молю! Теперь нам и до Кесарии как до самого солнца! – и тотчас замотал головой. – Нет, до солнца ближе! – яростно и весело добавил капитан, сделал ещё глоток и пошёл отдавать приказания команде.

Вцепившись в поручни, то и дело напрягая мышцы в порывах нарастающей качки, Лука проводил его взглядом. Он плыл к берегам одной из самых загадочных земель в мире – к земле ханаанской. Зачем он направлялся в ту сторону, бросив родной дом? Какая сила потянула его туда?

Именно об этом спросил его отец, когда он сказал, что отправляется в путешествие. С беззаботной усмешкой он ответил:

– Я овладел языками других земель – но этого мало. Отец, я знаю латынь, знаком с иероглифическим письмом египтян, выучил иудейский. Но мне хотелось бы овладеть не только языками, но и мудростью народов, владеющих ими. Ты и сам знаешь – врач должен учиться всегда и везде! Ты и сам странствовал всюду!

– Но почему не Афины и не Рим? – резонно спросил отец.

– Всему своё время! – ответил Лука.

– Я не могу и не хочу останавливать тебя, – предупредил его отец. – Но, смотри, не потеряй себя в чужих языках и не заблудись в чужой вере! Милостью богов ты – эллин, потомок великих мореплавателей и воинов, художников и философов, да что там – потомок самих богов, создавших землю, будь горд этим и оставайся таковым навсегда!

Лука, не задумываясь, пообещал. Что же он знал о той земле, куда плыл? Эта была земля вещей людей – они рождались там на удивление часто. Нигде и никогда не приходило их на землю столько, как там! Конечно, с богами общались жрецы и священнослужители всех стран – персидские маги, эти страстные огнепоклонники, имели свой язык для такого общения; египетские жрецы – свой, который, увы, кроме них давно никто не понимал, ведь сам Египет с приходом Птолемеев впитал эллинскую культуру и стал светским государством; латиняне, по большей степени в деревнях, ещё трепетно верили своему Юпитеру, но более всего они доверяли силе грозного оружия железных легионов – вот что было истинным богом римлян! Греки, из племени которых вышел он, Лука, тоже верили своим богам, и у них было имя – философия, искусство, литература, одним словом – изощрённая мудрость и чувственная красота!

¹ Каботажное плавание – прибрежное судоходство.

Но как далеко от всех известных богов, подчас столь человекоподобных, было иудейское племя! У них существовал только один Бог – недосыгаемо-высокий и всевидящий, непреклонно-строгий и справедливый, может быть, чересчур грозный и даже жестокий, но таковым Он мог показаться только легкомысленному человеку!..

Об этом Боге любознательный Лука узнал ещё давно, юношей. На южном рынке он познакомился с менялой, стариком Мусаилом, выходцем из Иудеи. Образованный молодой человек удивил своими знаниями пожилого еврея, как оказалось, объездившего ещё в молодости всё Средиземноморье – Иберию и Грецию, Рим и Анатолию, Синай и Египет. Мусаил, лишённый крова своим отчимом, был бродягой – вот и таскался по землям империи в поисках удачи, денег, счастья. Но не нашёл ничего – и однажды поселился в еврейском квартале Антиохии. Зато никто лучше него не мог определить ценность той или иной монеты, будь она греческая, парфянская или мидийская! Никто лучше него не мог определить чистоту золота или серебра, изумруда, сапфира или яшмы! Никто, как он, не мог разобрать незнакомого текста того или иного папируса или священного знака, начертанного на камне или отлитого в металле! К Мусаилу стекались любопытные антиохийцы, хозяева тех или иных драгоценностей, да просто загадочных штукун, будь то заморский талисман или глиняная дощечка с незнакомой надписью.

Старик и юноша подружились очень быстро – и с тех самых пор Лука подолгу засиживался в лавке иудея-менялы, который, помимо прочего, ещё и стал учить молодого эллина языку своего народа. Они говорили часами – поначалу говорили на греческом, который для старого иудея был вторым родным языком. Мусаил, жрец торговли, чей алтарь – весы, был тоже заинтересован в подобном друге. Такого юного лекаря, который лишь взглянет на белки твоих глаз, прощупает пульс на запястье и тотчас же назовет диагноз и назначит нужное лечение, надо было ещё поискать во всей Антиохии! И к тому же, – что особенно важно! – который не возьмёт с тебя ни одного медного асса! Такого и во всей Римской империи не сыщешь! Да ещё пытливого умом и сердцем, что особенно нравилось искушённому торговцу. С таким ли молодым человеком не поговорить от души, не поделиться опытом и секретами?

Мусаил часто начинал издали, умело и ловко посвящая юношу из добропорядочной антиохийской семьи в тонкости своей очень хитрой профессии. Они, как правило, сидели на топчане в лавке Мусаила – утром редкие антиохийцы ещё только выбредали на рыночную площадь и медленно шли по рядам.

– Вот берёшь ты серебряный денарий, – Мусаил откладывал в сторону чеканные браслеты, которые только что раскладывал на прилавке, и захватывал ловкими длинными пальцами монету с плутоватым ликом Гермеса, в «крылатом шлеме», – кладёшь его на ладонь. А уверен ли ты, что монета стоит серебром ровно столько, сколько покупатель обещает тебе за товар?

– А бывает иначе? – спрашивал Лука.

Мусаил усмехнулся:

– Ещё как бывает, юноша!

– А если попробовать монету на зуб? – с видом знатока вновь спрашивал Лука. – Тогда как?

– Золотой – пожалуй, а вот о серебряный денарий, такой, как этот, – он крепко сжимал монету в пальце, – и зуб сломать можно! – Старый седобородый иудей прищуривал один глаз. – Станешь ковырять его? Да кто ж позволит?! А коли позволят, то как глубоко ты его расковыряешь?

– А я с краю, – улыбался находчивому меняле Лука.

– И насквозь?! – смеялся Мусаил. – Ну, так покупатель не возьмёт монету обратно – всё равно придётся отдавать товар! – Прокопчённой от загара рукой меняла подбрасывал монету и ловко ловил её. Открывал ладонь – и на ней светился чеканным ликом бог торговли Гермес. – Знаешь, как однажды воинственных и жестоких спартанцев обманул самосский тиран Поликрат? Спартанцы долго осаждали остров Самос, и вот Поликрат пошёл на сделку. Выпла-

тил им всё, что они требовали. Гордые спартанцы ликовали – как же, скрутили ещё одного противника! Спартанцы были хорошими воинами, но плохими торговцами – они привезли на родину порченную монету. Поликрат обманул их. А как? Его кузнецы подготовили тысячи круглых медных заготовок, а затем эти заготовки обернули в толстую золотую фольгу и нагрели на гигантских противнях. И только потом отпечатали как монеты! Медь по краям оплавилась и срослась с золотом как родная. Надкуси такую монету – ничего не увидишь! Уверен, кусали их спартанцы, и не один раз, коль привезли домой такой подарок! А вот разрубить мечом самосскую монету ни один легковёрный спартанец не догадался! – Мусаил подставлял лицо тёплому утреннему солнцу. По рынку уже текли люди, присматривались к товару менял. Ели фрукты и разглядывали драгоценные побрякушки. – Вот так бывает и с богами, – вдруг добавлял Мусаил. – Именно, юноша! С вероучением, с истинной верой – единственной на все времена – бывает то же самое, мой милый Лука! Да-да! Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Не всякая монета стоит того, на что она претендует?

Юноша смотрел на старого иудея и, улыбаясь, ждал развязки этой истории. Мусаил вновь подбрасывал денарий и так же ловко ловил его – и вновь, точно по волшебству, молодому греку открывался плутоватый лик Гермеса.

– Ты – умный юноша! – кивал иудей Мусаил. – Бывает так, что столь хорошее на первый взгляд учение оказывается ложным. Ты только подумай, возьми меч да разруби монету, которую предлагают тебе, и увидишь, что внутри вовсе не золото, а простая медь! Внутри истинного вероучения – чистое золото, золото божественного откровения!

А потом Лука повзрослел, и Мусаил стал рассказывать ему не только о своём Боге, строгом и справедливом, но и о вещих людях, которые, по их собственному утверждению, Он-то, Господь, и посылал на землю! И не куда-нибудь, а на Землю обетованную, как называли евреи свой уголок земли. Но для чего? Что хотел от людей их Бог? Именно такие вопросы задавал Лука меняле с южного рынка – седобородому, загоревшему до черноты старику Мусаилу.

– На земле Израиля вещих людей зовут пророками, – отвечал Луке старый торговец. – И каждый своим появлением на свет прокладывает в сердца простых людей дорогу истинному Богу. И да будет тебе известно, юноша, что истинные пророки не тонут в воде и не горят в огне, и сами цари, земные правители, преклоняют перед ними колена!

А совсем недавно Мусаил сказал:

– До меня дошли слухи, что на земле Израиля появился новый пророк, и он говорит о скором и неизбежном появлении Мессии.

– Кто этот Миссия? – спросил Лука.

Мусаил внимательно посмотрел в глаза юноше, и тот в первый раз почувствовал, насколько серьёзным стал его давний собеседник.

– В книге пророка Даниила говорится, что однажды на землю Израиля придёт Сын Человеческий...

– Но кто Он, Сын Человеческий? – терзаясь желанием все узнать, потребовал ответа Лука.

– Сколько вопросов, да? – со всей серьёзностью усмехнулся тогда Мусаил. – Моему разуму это неподвластно, Лука, – ответил старый еврей. – Думаю, это особый посланник Господа. Но тот, кто ждёт Его, кто грядущим Его приходом смущает сердца правоверных иудеев, рано или поздно поплатится своей головой!

– Я хочу увидеть вашу Землю обетованную, – однажды сказал ему Лука.

– Земля обетованная у каждого в сердце, – говорил Мусаил. – Иногда и ходить никуда не надо. Но ты поезжай, поезжай...

Мессия, Сын Человеческий!.. Разве подобное утверждение не могло не пленить пытливого юношеское сердце?! Куда там – ещё как могло! Должно и пленило! Только вот отцу и матери Лука не сказал об истинной причине своего отъезда. Его бы просто не пустили! Впрочем, он

был уже взрослым молодым человеком и не нуждался в разрешении на путешествие, но вот в дорожных деньгах ему точно бы отказали! Когда Лука не просто окреп в своём решении, но знал наверняка, что уже никто и ничто не отвернёт его от назначенной цели, он открыл свои планы Мусаилу.

Меняла с южного рынка долго думал, а затем сказал:

– Что ж, может быть, не просто так однажды ты пришёл ко мне показать древнюю финикийскую монету – и все было predetermined заранее? А я лишь укрепил твоё сердце в стремлении познать истину? Как бы я хотел верить, что это так! – Он хитро улыбнулся. – Если ты понравишься моему Богу, тогда я знаю точно, Он и мне простит на небесах кое-какие грехи, а их было немало! Ступай с Богом, Лука! Отправляйся в самое великое своё путешествие! – Глаза Мусаила неожиданно, как это бывает с растроганными стариками, увлажнились. – Вдруг тебе повезёт и ты встретишь зарю нового мира? – Старый меняла кивнул: – Я буду помнить о тебе всегда!

3

И вот теперь, спустя две недели после того разговора, Лука-путешественник готовился попасть из морского плаванья напрямик в царство мёртвых. Судно «Вестник богов» уже сутки нещадно трепало в Средиземном море. Безумная стихия так и пыталась взять в оборот их корабль – раздавить как яичную скорлупу! Судно скрипело на все голоса, прося о пощаде, надрывно пели измотанные натиском ветра и волн снасти. А молодого врача из Антиохии, бледно-зелёного лицом, то и дело выворачивало в медный чан в его закутке, и он уже сам готов был взмолиться о скорой кончине, не дожидаясь, когда волны потопят их судно.

Так продолжалось три дня и три ночи, затем непогода ушла разом. И полуживой команде и десятку полумёртвых пассажиров открылась бескрайняя перспектива затихшего моря – горизонт обнажился тонкой пронзительной линией, так отрадно разделявшей бескрайнее пространство синей воды от ещё более бескрайнего бирюзового неба.

Слева, за горизонтом и облаками, лежала страна Ханаана, справа уходило в безграничную даль великое Средиземное море. Капитан оказался прав, что обрадовался присутствию лекаря на корабле. Во время шторма старший матрос сорвался с мачты и сломал обе ноги – Лука, хоть и при смерти, но наложил две шины и спас матроса.

– Сейчас мы проходим Триполи и Библос, – через сутки после шторма сказал капитан «Вестника богов». Он остановился на палубе рядом с Лукой. Держась за поручень, капитан отхлебнул из кожаной фляги вино. – Ещё через двое суток, если боги будут к нам милостивы, пройдем Сидон, а потом и Тир. И только потом нам откроется Палестина! – Он внимательно посмотрел на своего пассажира. – Конечно, это не моё дело, юноша, но меня так и подмывает спросить: зачем учёный грек – совсем не бродяга! – он отрицательно покачал пальцем, точно подтверждая этим красноречивым жестом свои слова, – отправляется в такую даль? На самый край света? В страну вечных бунтов и восстаний, в страну междоусобной вражды и вещей юродивых? Что там забыл такой молодой человек, как ты?

– Я ищу своего Бога, капитан! – открыто ответил Лука.

Командир корабля не стал скрывать удивления ни лицом, ни возгласом.

– Ого! – воскликнул он. – Клянусь Зевсом, это смелый ответ! Кого же из них, этих богов, ты хочешь найти в Палестине? Кого ты ищешь?..

– Одного-единственного, капитан! – ответил молодой человек. – А вот как его зовут, я пока не знаю сам! Но уверен: мне подскажут!

– Что ж, тогда ты выбрал правильный путь! Неразумный, – он снисходительно покачал головой, – но правильный: Палестина и есть страна богоискателей! Мой тебе совет: разочаруйся поскорее в чужих богах и возвращайся в благословенную Антиохию. Нет места радост-

нее и благополучнее этого края! – Он хлопнул крепкой ладонью по руке молодого пассажира. – И вот что ещё: ты мне нравишься, лекарь! За спасённого старшего матроса я возьму с тебя только половину положенных за путешествие денег! Ты сохранил для меня и доброго помощника, и верного друга! – Капитан сделал глоток из фляги, вновь хлопнул широкой ладонью – на этот раз по поручню, и двинулся проверять работу своей команды.

На пятый день они проплыли мимо Тира – издалека, в розовой утренней дымке над морем, они увидели этот древнейший город-порт, некогда первый из городов древних финикийцев. Он был основан на острове и тем самым оказался почти неприступен для своих врагов. Грозный Навуходоносор безуспешно осаждал его долгие тринадцать лет, а взял Тир, почти год продержав его в осаде, Александр Великий. Он просто «нашёл подход» к этому городу. Взял и насыпал к Тиру – прямо в море – дорогу-перешеек из камня и подкатил к его стенам катапульты. И сотни кораблей облепили древний город с моря. Около десяти тысяч жителей погибли во время осады и более тридцати тысяч были обращены в день взятия Тира в рабство и проданы на рынках Ближнего Востока. Так мстил Александр Македонский за непослушание своей богоподобной воле!

Это было триста лет назад...

И вот они плыли мимо финикийского берега. Палестина, Ханаан, как только не называли эту землю! И какими только границами её не очерчивали! «Палестина» означало «страна филистимлян». Филистимляне не были семитами – они были народами моря, их ещё называли пеласгами. Мореходы и торговцы, потомки древних ариев, они расселились вдоль побережья Палестины в незапамятные времена, потеснив хананеев. Филистимляне были сильны, поскольку в бронзовом веке уже знали тайну железа. А тогда было так: медь побеждает камень, бронза – медь, железо – бронзу! Но землю эту называли и Ханааном! Почему? В переводе с финикийского «кенаан» означало «страна пурпура», ведь тут вдоль берега с далекой древности люди собирали моллюсков, из которых готовили удивительную краску. Этим цветом древние люди Средиземноморья и окрашивали одежды в самый яркий и желанный для глаза пурпурный цвет!

Земля Ханаана! Земля сотни племен! Сколько терпела ты войн и сколько народов видела в пределах своих! Города-государства были рассыпаны вдоль восточного побережья Средиземного моря. Сами хананеи, хетты, филистимляне, иевусеи, амореи и прочие народы жили тут. Мастера международной торговли, изобретатели алфавита! Живые умом, до всего имеющие дело. Индоевропейцы и семиты – все вперемешку! И сколько было городов, столько было и богов на этой земле! В каждом городе – свой идол! И воевали эти народы друг с другом бесконечно и беспощадно. И приносили в жертву алчным богам своих детей. Может быть, именно поэтому, как утверждали евреи, однажды Бог и проклял эти народы и отдал грешную, но благодатную землю потомкам Авраама?

Иисус Навин прошёл огнём и мечом землю Ханаанскую, безжалостно истребив другие народы для жизни своих братьев. Была эпоха судей, тут правил удачливый Давид и мудрый Соломон...

Но уже ветхозаветные пророки говорили о падении своего государства. Великий пророк Исайя, живший в VIII веке до н. э., тот, который предвозвестил Христа, предупреждал свой народ, что большая часть его будет отвержена Богом за беззакония.

Если и прислушались к Исайе, то немногие.

И наказание пришло: ассирийцы разгромили Северное царство со столицей Самарией в 722 году до н. э. и увели десять колен в рабство, а израильские территории заселили другими народами. А в 586 году до н. э. вавилоняне завоевали уже Иудейское, Южное царство, разрушили храм Соломона и увели в рабство всё местное население. Новый народ, который рос на руинах бывшего могущества, уже был другим. Его подчинил себе Александр Македонский, сделав Израиль задворками своей империи. Эпоха Маккавеев вернула Израилю былую

гордость, но когда на эту землю пришли железные легионы Рима, о надежде на свободу можно было забыть. Отныне Иудеей управляли марионеточные цари из династии Ирода – Иродиады, полностью зависимые от Рима.

Призрак великого царства Давида и Соломона, как дар Господа за верность, отныне оставался несбыточной мечтой, эхом у потомков рассеянного по всему миру народа-скитальца.

И все-таки они ждали!

Подчинённые, превращённые в рабов, они ждали милости своего Бога! Ждали появления Его и мечтали, что Он пошлёт на землю нового полководца, подобного Иисусу Навину, который истребит всех врагов Израилевых. И новые мудрецы этой уставшей земли жадно гадали на предсказаниях пророков былых веков: когда же придёт их новый Мессия! С мечом сокрушающим в одной руке и с огнём, испепеляющим всех неверных, в другой!

4

Лука сошел на берег в Кесарии Палестинской...

Судьба этого роскошного средиземноморского города так не походила на судьбу соседних ему городов, история которых исчислялась тысячелетиями.

Это был новый город! Юная столица молодого римского прокураторства.

В 63 году до н. э. римлянин Гней Помпей завоевал Иудею, прервав кровную вражду израильтян. Он присоединил Иудею к империи и ввёл на этих землях единый порядок. С тех пор Кесария стала военной базой для римской экспансии на восток. Октавиан Август благоволил иудейскому царю Ироду и в 31 году до н. э. передал ему эту часть палестинской земли. Чтобы угодить кесарю Августу, Ирод в 10 году до н. э. построил вокруг бухты роскошный город, образец цивилизации, на греко-римский манер, с ипподромом, не уступавшим римскому, и банями, и прочими античными удобствами, и назвал город в честь своего благодетеля – Кесария, что означало просто «Царской город». Театр вмещал около четырех тысяч жителей. Надо всем городом, у самого побережья, возвышался гигантский дворец Ирода, который тот воздвиг в полном соответствии с греко-римскими канонами архитектуры. Отовсюду смотрели греко-римские боги и герои. В честь Октавиана Августа находчивый Ирод построил ещё и храм Августа и Ромы, показав тем самым, что считает своего владыку богоподобным созданием.

Одним словом, Ирод расстелился перед Римом как только мог! А Рим это любил – очень любил! Хлебом не корми – дай только посмотреть сверху вниз.

Хитрый был этот царь Ирод!

Разумеется, Кесария превратилась в столицу подвластного Риму государства. И если Иерусалим оставался духовной столицей Иудейского царства, то Кесария стала его административным и торговым центром. Сюда, в Кесарию, немедленно приехали жить и торговать богатые средиземноморские капиталисты. Город-красавец был крепко защищён ото всех врагов легионами Рима! Основную массу населения в Кесарии составляли сирийские греки, римляне и богатые евреи. Сотни торговых кораблей стояли в кесарийском порту. К 33 году н. э. это был процветающий и преуспевающий во всём город.

Этакий город – баловень судьбы!

И когда Лука ступил на его землю, то даже не почувствовал разницы с Антиохией. Всё та же греческая речь, те же нарядные и пёстрые эллинские одежды. Правоверные иудеи избегали и брезговали языческой Кесарией. К тому же оплотом их поработителей – римских завоевателей – управляли идумеяне Ироды, потомки идумеянина Антипатра, заклятого врага правоверных иудеев. Солдаты империи тут встречались часто – рельефные панцири закрывали накачанные торсы, сверкали на солнце щиты и шлемы.

Лука окунулся в светский торговый город, но все его соблазны не тронули молодого путешественника. Этого добра и в Антиохии хватало! Не за тем он сюда приплыл.

Юноша вынырнул уже скоро из городской суеты средиземноморского мегаполиса и двинулся пешком по римской дороге, разделяющей Самарию и Сирофиникию. Гористая, пустынная местность открывалась ему, с редкими дубовыми и оливковыми рощицами, платановыми и кленовыми, тамарисковыми и олеандровыми, и виноградниками, за которыми прятались худые деревеньки. И рваными коврами, оставляя островки камня и песка, покрывал землю низкорослый вечнозелёный кустарник, который сплели десятки видов различных растений. Лука то и дело спрашивал местных жителей, по виду – крестьян-бедняков, где Галилея, и ему указывали всегда в одном направлении – на северо-восток. Он уже сотни раз пожелал здоровья Мусалилу, научившему его своему языку! На очередной вопрос: «Как называется эта местность?» – он получил ответ: «Это Галилея». Уже к вечеру, увидев с пологих гор большую деревеньку, решил заночевать там. О ночлеге он договорился быстро, но пришлось соврать – выдать себя за сирийского иудея! Иначе чужака, язычника, галилеяне могли бы и не пустить в дом. На вопрос, как зовётся это селение, он получил короткий ответ: «Назарет». – «Мне нужен пророк, – сказал он, – который учит в этих местах». – «Иди к Галилейскому озеру, – посоветовали ему. – Ты найдёшь Его в Тивериаде или в Капернауме. Там спросишь!» Он вышел из Назарета утром и опять двинулся на северо-запад. Часа через два по правую руку от него уже высилась величественная гора, укрытая зелёным ковром леса.

Это была гора Фавор...

А ещё часа через четыре сверкнула впереди большая вода. К обеду Лука уже шёл вдоль Генисаретского озера на север.

Гористые берега, рыбацкие деревеньки, лодки...

Его вопросы редким путникам указывали, что он движется в правильном направлении. И скоро впереди, недалеко от берега озера, Лука увидел около полусотни людей, слушавших Одного, сидевшего во главе их.

«Вот оно, получилось! – думал Лука. – Нашёл он своего Пророка! Всё оказалось гораздо легче, чем он предполагал! Едва не утонул, ну так не утонул же! Остался жив. По своему пути он шёл, по своему!»

Лука подходил осторожно, боясь помешать. Не знал он одного, что это был не пророк, а Тот, о ком пророк говорил, кого посулил миру... Сам Мессия!

Учитель сидел на горе, вокруг Него кругом расположились и Его ученики, и просто галилеяне, кто не хотел упустить слова Проповедника. Среди прочих были и женщины, одна из них качала на руках малыша. Лука подошёл ближе и тотчас поймал взгляд Учителя – Тот сразу приметил юношу, точно ждал его в этот день и в этот час. Бывает ли такое? Этих глаз Лука уже не смог бы забыть никогда! Взгляд Учителя сам указал новичку место – под терновым кустарником. Боясь пораниться о его шипы, Лука присел на выжженную горячую землю, подгрёб под себя ноги в сандалиях и стал слушать.

А Сын Человеческий тем временем заговорил:

– Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Истинно говорю вам: блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли и вы – свет мира, так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного!

И голос Его, и взгляд заставили Луку едва дышать – и слушать, слушать, слушать! И сердце молодого путешественника уже стучало в такт с Его сердцем...

Часть вторая ПРИЗВАНИЕ САВЛА

*От иудеев пять раз я получал
по сорока ударов без одного;
трижды бит палками, раз – камнями,
три раза терпел я кораблекрушение,
сутки провёл в пучине;
многократно был в путешествиях,
в опасностях на реках,
в опасностях от разбойников,
в опасностях от соплеменников,
в опасностях от язычников,
в опасностях в городе,
в опасностях в пустыне,
в опасностях на море,
в опасностях от лжебраций,
в труде и в изнурении, часто без сна,
в голоде и жажде, часто в постах,
на стуже и в нагоде...
Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа,
благословенный во веки, знает, что я не лгу.*

Из Второго послания к Коринфянам святого апостола Павла

*Какую бы доблесть ни проявляли пророки,
патриархи, праведники, апостолы, мученики, —
все это в совокупности имел Павел...
Подлинно, как птица, летал он по вселенной
и, как бестелесный,
презирал трудности и опасности.*

Святой Иоанн Златоуст

1

По Иерусалиму тащили человека. Гневная толпа сопровождала его. Вопила, сыпала проклятиями. Десятки рук тянулись к нему! Толкали взашей. Каждый старался дотянуться и ударить человека в лицо. А дали бы убить – исполнили бы тут же! Затаптали бы, разорвали на части. Но здесь, на улицах священного города, убивать было нельзя. Поэтому человека в изодранной одежде, упрямо молчавшего, знавшего свою судьбу, тащили прочь из города.

Это был Стефан. Он проповедовал Благою Весть, говорил во всеуслышание, что Иисус разрушит старое святилище и вместо старого закона Моисея даст богоизбранному народу Новый Закон. Уже дал! Новый римский прокуратор ещё не был назначен. Власть немного ослабла, и в Иудее, вечно кипящем на огне недовольства котле, царили анархические настроения. В этот день ревнители Старого Закона вытащили Стефана из храма и силком привели к первосвященнику. Почувствовав накал страстей и полную безнаказанность, коварно улыбнувшись, Каиафа бросил толпе:

– Решайте его судьбу сами! Полагаюсь на вашу волю, сыны Израилевы!

Он умывал руки! Предоставлял толпе самой решать, как быть с отступником веры. Таким образом он благословлял жестокий самосуд. Толпа и не мечтала о таком подарке! Стефана

погнали через весь Иерусалим за ворота города, тычками в спину, под крики и вопли, под ругань и проклятия. Все знали, что его ведут на смерть, знал это Каиафа, и знал свою участь Стефан. Его вели те же люди, что совсем недавно требовали распять Христа, а потом злорадно наблюдали за казнью. Стефана вытащили за ворота города. Палачи нашли подходящую скалу, подвели Стефана к её краю и толкнули вниз. Но это была невеликая скала, поэтому Стефан разбился, но не насмерть. Его палачи жадно заглянули вниз.

– Ещё живой! – разъярённо и радостно завопил кто-то.

Их жертва корчилась, изломанная, на камнях, вся в крови.

– Добить его, добить! – кричали другие.

И тогда они побежали по камням вниз – добивать его. Всем хотелось поучаствовать в бойне, на которую их благословил сам первосвященник, ничего не пропустить! Чтобы не перепачкаться и не оборваться о камни, многие сбросили верхнюю одежду ещё наверху. Она оказалась у ног молодого мужчины – невысокого, жилистого и худого. Он не пошёл с другими – убивать, добивать, мучить, остался в стороне.

– Посторожи нашу одежду, Савл! – крикнули ему.

Ворох одежды так и остался лежать у ног молодого мужчины. Он смотрел вниз, где корчился на камнях отступник, проклятый Богом и народом Израиля. Савл видел, как первые ревнители веры уже достигли цели и теперь хватили камни. Да, Савл был ревнивым стражем закона – фарисеем до мозга костей, но не кровожадным по своей натуре. Ему претило садистское избиение инакомыслящих. Но таково было решение большинства, а древний закон он не пытался оспорить. Напротив, он должен был проводить его в жизнь. И поэтому он остался караулить тряпки, пока Стефана, как животное, добивали камнями. Удар за ударом получал изломанный Стефан, но у него не было сил даже закрыться руками. Но силы говорить у Стефана были! И Савл слышал его слова! И они не могли не удивлять его...

– Прощаю вас! – хрипел он. – Ибо не знаете того, что творите!

Стоя на горе, Савл недоумевал. Умирающий не проклинал истязателей, как сделал бы любой другой, ведь «око за око» и «зуб за зуб», так велел поступать Закон, и он не просил пощады – напротив, молил у Бога простить своих палачей. Эти странные слова долетали до слуха фарисея. И он стоял у вороха одежды и хмурился, слушая изменника, наблюдая за тем, как тот погибает...

А ведь именно он, Савл, и поднял эту бурю, раздул этот пожар...

Его звали Савлом, но поскольку он вырос в греческой среде, у него было и второе имя – Павел. Именно под этим именем он войдёт в историю человечества². Но вначале, чтобы получить новое имя, ему предстояло перерождение!

Так откуда в молодом человеке жила такая ненависть к юной религии, утверждающей всеобщее братство людей за земле? Отец Савла, зажиточный ремесленник, вёл свою родословную от колена Вениаминова, а сына назвал в честь царя Саула. Мечтою отца было сделать из сына уважаемого священника, книжника-богослова, и когда тот достиг совершеннолетия, он послал Савла в Иерусалим – учиться в школу знаменитого и благочестивого раббана Гамалиила. И, надо сказать, мечты отца Савла сбывались: окончив школу, его сын заслужил репута-

² Савл хоть и был правоверным иудеем, но увидел свет далеко от родины своих предков. Он происходил из приморского киликского города Тарса. У главного города Киликии было славное прошлое. Тарс основал в VII веке до н. э. ассирийский царь Сеннахириб, в III веке до н. э. он вошёл в империю Селевкидов. Массово поселившиеся тут греки превратили Тарс в крупный малоазийский культурный центр с обширной средиземноморской торговлей, но в первую очередь основали «высшую школу философии и грамматики». В I веке до н. э. Тарс вошёл в империю Великой Армении царя Тиграна Великого, город на стороне парфян долго воевал с Римом, но в конце концов подчинился ему. Под римским владычеством космополитичный город, где проживало много греков и армян, вновь процветал и торговал со всем цивилизованным миром. Была в Тарсе и большая еврейская диаспора. Из одной такой семьи, не эллинизированной, правоверной, чтящей закон предков, и вышел фарисей Савл.

цию одного из самых правоверных и уважаемых молодых священников Иерусалима. Он стал истинным законником, фарисеем без страха и упрека!

В своих проповедях Иисус из Назарета утверждал, что старый Дом Божий утратил своё сакральное значение. Эти слова не просто оскорбляли юного Савла – он горел желанием расплатиться с христианами, и как можно жёстче! Но что он мог противопоставить пропаганде Нового Учения? Только праведный гнев! Жажду мщения. И беспощадную борьбу. Савл был молод, полон сил и стремления выйти на историческую сцену. И тут появился Стефан с его проповедью, повторявшей слова недавно распятого Мессии.

Молодой Савл не растерялся – его пламенное слово прозвучало приговором Стефану.

– Этот человек – враг народа Израиля! – на улицах Иерусалима сказал он и фарисеям и простым жителям Иудеи. – Преступник должен быть наказан! – и добавил: – Наказан по закону предков!

Он сам возглавил процессию к дому Стефана. Стоял и смотрел, как в дверь проповедника Благой Вести остервенело барабанили взбешённые жители Иерусалима. Как открывшего им Стефана вытащили на улицу, бросили в пыль и били. И когда окровавленного Стефана повели к Каиафе, он, Савл, возглавил процессию. И отступил только тогда, когда толпа вынесла проповеднику смертный приговор. Молодой фарисей не участвовал в расправе, он брезговал подобными действиями, но с удовлетворением наблюдал за тем, как исполняется воля толпы. А ведь его учитель Гамалиил был против насилия, учил веротерпимости и часто говорил об этом своему норовистому ученику. Но Савл не хотел и слушать его – разве тот не человек и не мог ошибаться? Савл не знал одного, что в тайне Гамалиил был сторонником Назарянина, но откройся он, то сам бы мог тотчас же превратиться в мишень. Гамалиил находил иные способы нести разумное и вечное пастве. Он даже боролся за права женщин, настаивая на том, что женщина может повторно выйти замуж, если представит доказательство смерти мужа. Революционная реформа! Когда совсем недавно последователей распятого назарянина Иоанна и Петра за их проповеди привели на суд в Синедрион, это Гамалиил сказал перед верховными судьями, в том числе и Каиафой, свои знаменитые слова: «Если это дело только от людей, то оно быстро разрушится, но если оно от Бога, то вы не можете разрушить его, и берегитесь, чтобы вам самим не оказаться богопротивниками!» Его слова подействовали на судей – Иоанна и Петра отпустили.

Но не пришло ещё время Савлу послушать своего мудрого учителя. И поэтому с наглухо закрытым сердцем, полным ожесточения и гнева, он стоял и слушал хрипы умирающего Стефана – своей жертвы. самого первого христианского мученика на земле! И твердил про себя: «Так и надо! Так и надо! Так и надо!»

2

На следующий день после казни Стефана в дом к молодому фарисею Савлу постучались. Он открыл дверь, на пороге стоял один из ревнителей веры.

– Савл! – разъярённо воскликнул гость. – Тело Стефана исчезло!

Так оно и было. Ночью проклятое соплеменниками тело казнённого, которое должны были растаскать по кускам хищные птицы и звери, забрали и унесли. Это был ещё один удар по Храму!

– Кто это мог сделать? – спросил Савл. – Впрочем, я знаю. Последователи. Его последователи!

– Они! – охотно кивнул ревнитель веры. – Их уже много расплодилось в Иерусалиме! Вот бы изловить их всех, бросить в одну яму и забить всех камнями! И чтобы ни росточка не возшло!

Верные слова, думал молодой фарисей. Он даже улыбнулся: ни росточка! Ещё какие верные!

– Мы отыщем их, – сказал Савл.

Если бы знал правоверный иудей, горя желанием найти и покарать виновных, что тело Стефана была забрано его учителем Гамалиилом и похоронено на его частной земле под Иерусалимом!

Прежде о верном фарисее Савле иудеи только слышали. Теперь же, вдохновлённый праведным гневом и своей ролью в искоренении ереси, он смело шагнул на историческую сцену. В тот же день, когда пропало тело Стефана, молодой фарисей пришёл в Синедрион и выступил перед Каиафой и старейшинами.

– Они всюду! – сказал он. – Мы будем преследовать назарян, гнать их как диких зверей! Ловить и предавать суду. Всех назарян Иерусалима и других городов Иудеи должна постигнуть одна судьба. А потом мы призовём к ответу назарян всей Римской империи. И начнём мы немедленно, сегодня же, сейчас же.

Его праведный огонь пришёлся по вкусу Каиафе. А как горели глаза молодого фарисея! Слова молниями слетали с его пламенных уст! Первосвященник был доволен. Такие люди нужны в те времена, когда вера отцов подвергается сомнению, ещё как нужны!

– Я предоставляю тебе полную свободу действий, – сказал Каиафа. – С Богом, Савл!

Именно так, с выступления Савла в Синедрионе, и начались первые решительные гонения на христиан. Иерусалим точно взбесился. Ревнители веры указывали на дома, где исповедовали назарейскую ересь. Многих назарян стража вытаскивала из домов и тащила в тюрьму. И Савл был всегда здесь, в гуще событий. Он лично указывал перстом страже и говорил, кого брать и что с преступниками делать. И грозил, грозил проклятым врагам Закона. Его всегда преследовала толпа ревнителей и воодушевляла проклятиями. Синедрион не мог нарадоваться на Савла, и лично первосвященник Каиафа.

И все-таки большинство последователей Иисуса бежало в те дни из Иерусалима, чтобы уже никогда больше не вернуться на родину. Воистину велик замысел Господа! Стефан первым показал пример мученичества за веру христову, это во-первых, вдохновив героическим поступком многих своих соплеменников, а во-вторых, тысячи его последователей, бежавших в те дни от мести первосвященника, его окружения и римской стражи поселятся в других городах – и не только иудейских, но далеко за пределами этого государства и дадут ростки жизни новому спасительному учению. Апостолы в эти дни также ушли из Иерусалима – рыбаки и пастухи, неприметные с виду, они рассредоточились до срока на просторах Галилеи.

После того, как христиане Иерусалима подверглись репрессиям, несколько ревнителей старой веры пожаловали в дом к фарисею Савлу.

– Теперь мы знаем, Савл, какой город после Иерусалима особенно полюбился еретикам, будь они прокляты!

– Ну же, говорите, – потребовал пламенный фарисей.

– Дамаск! – выпалил один из ревнителей веры.

– И у вас есть доказательства? – спросил Савл.

– Да! – радостно ответили ему.

И ревнитель веры вытащил из одежд узкий лист пергамента и положил его перед Савлом. Тот взял его и приблизил к масляному светильнику.

– Да это же клад для нашего дела! – победоносно воскликнул Савл; он с жадностью просматривал имена и адреса беглецов и их родственников.

И впрямь, до Иерусалима доходили вести, что много людей Благой Вести, как они себя называли, осело в Дамаске – и теперь они там проповедуют преступное учение.

– О, да! – кивнул ревнитель веры, принёсший пергамент. – Мне удалось убедить многих соседей, что я назарянин. И что скоро отправляюсь в Дамаск. Вот мне и принесли доверчивые

глупцы имена своих родных, что перебрались в Сирию и теперь там распространяют порчу. Передали весточки для них. Видишь, Савл, как их много!

– Но имён и впрямь много, – согласился тот. – Туда нужно идти с целым отрядом... А где эти весточки? – спросил Савл.

– Всё у меня, – кивнул доносчик. – Я читал их! Все уповают на своего Христа! – и он высыпал из мешка ворох писем на глиняных и деревянных дощечках, на пергаменте и папирусе. – Никому теперь не отвертеться!

– Верно говоришь: никому, – погружая руки в письма, согласился Савл. – Все будут наказаны! И жестоко, – кивнул он.

За ночь обдумав план возмездия, утром Савл пришёл к Каиафе с предложением.

– Я хочу лично поехать в Дамаск, – сказал он, – найти бунтовщиков и в цепях доставить их в Иерусалим на суд Синедриона. Мы сделаем так, что само имя Иисуса из Назарета будет стёрто из памяти иудеев, – пообещал Савл первосвященнику. – Не будет более соблазнённых, потому что некому будет их соблазнять!

Каиафа, недавний палач Иисуса, бескомпромиссный враг нового учения, безмерно обрадовался такому рвению молодого фарисея. Истинный сотрудник Храма! Запустив длинные пальцы в чёрную с проседью бороду, он сказал:

– Даю тебе все полномочия судьи – отправляйся в путь, Савл! Собери большую жатву!

И вот, небольшой вооружённый отряд, возглавляемый идейным фарисеем Савлом, выдвинулся в сторону Дамаска.

Савл ехал на крепком осле впереди, время от времени подхлестывая его тугой хворостинкой. Стража и слуги побаивались молодого фарисея с горящими глазами, чьё рвение заставило дрожать многих. Его указующего перста хватило бы, чтобы любого жителя Иудеи скрутить по рукам и ногам и бросить в темницу.

– Они выдумывают новых богов и лелеют надежду, что это им сойдёт с рук? – под палящим солнцем усмехался священник в тёмной одежде и капюшоне, укрывающем его чело от раскалённых солнечных лучей. – О, нет! Мы – хранители веры отцов! – Его борода то и дело поднималась и стрелой устремлялась вперёд. – И если понадобится призвать к суду полмира, – он хлестко ударил осла прутиком по крупу, и тот жалобно икнул, – покушающегося на Закон, я сам привлеку эти полмира!

– Равви, а если нам окажут сопротивление? – спросил его ехавший на другом осле секретарь Синедриона, готовый днём и ночью составлять списки вероотступников.

– Тогда я обрушу на них весь свой гнев, и Бог мне будет в помощь! Мы будем подобны Иисусу Навину и его войску! Судьба Македа и Лахиса, Газы и Хеврона пусть станут примером Дамаску!

Слуги дивились своему командиру. Такие слова могли напугать кого угодно. Трепещи, город Дамаск, давший приют еретикам!

Если впереди им грозили пустыни, они старались идти, когда заходило солнце, а когда разгорался новый день, устраивали привал, дабы пекло не изводило их. Отряд Савла пересёк Иордан и вступил в область цветущих эллинизированных городов Гадара и Гераса, именуемой Гадаринской страной. Она лежала к востоку от Галилейского озера и через неё шли многие караванные пути. Принадлежала страна, разумеется, Риму – ещё Помпей почти сто лет назад присоединил её к великой империи. Жили тут в основном греки, потомки тех, кого наносило сюда волнами эллинской цивилизации Александра Македонского, и культурные города эти, в первую очередь Гадар, славились своими амфитеатрами и банями, аллеями с мраморными колоннами и садами с изваяниями античных богов. Разумеется, для взгляда иудея все это было противно. Но, проходя через земли язычников, Савл думал вот о чём: как мог один иудей Иисус из Назарета так взбаламутить всю страну? И что он должен сделать, какие аргументы должен привести иным, чтобы они не пошли на поводу нового и такого опасного учения? И

как им, поборникам истинной веры, вывести эту порчу? Но так говорил его непреклонный разум! А сердце порой ныло. И всё время точил Савла червь сомнений, когда он вспоминал двух людей: Стефана и Гамалиила. Как достойно и смиренно погибал первый, как прощал изуверство своим палачам. И о чем предупреждал второй – его мудрый учитель. Гамалиил не раз говорил ему, Савлу, что может повлечь за собой ошибка перед небом. Противясь воле Господа, можно попасть в Его немилость! Быть жестоко наказанным! Очень жестоко и страшно...

Они шли более недели, и Дамаск уже казался близок – переход в один день разделял их. И вот тогда, в полдень, знойная тишина над головой Савла вдруг раскололась! Гром прокатился по небу, и луч света рассёк самое поднебесье! Отряд Савла замер. «Господи, что это?!» – шептались все. Такого не могло быть! Савл сам не заметил, как сполз со своего осла. Вросший в землю соляным столбом, он смотрел вверх. Спешились и другие. И тоже задрали головы. А там, очень высоко, уже разверзались небеса!

И яркий свет ослепил Савла. Ему стало страшно – он понял, это его смерть! И тогда он услышал пронзительный голос из выси:

– Савл! Савл! Что ты гонишь меня?! Трудно тебе идти против рожна!

Савл рухнул на колени – или ноги его сами подкосились?! Во рту молодого фарисея тотчас стало так же сухо, как в той пустыне, через которую они шли. Сердце его замерло!

– Кто ты, Господин мой? – глядя в небо, едва прошептал он.

– Я Иисус, которого ты гонишь! – последовал ответ из небесного света.

Ответ был ясен, точен, страшен. Услышал он и другие слова. А потом этот свет померк. И не только свет, идущий из разверстых облаков, но любой свет, касавшийся глаз фарисея. Темнота объяла весь мир, мрак окутал всё. А за ним и страх объял душу Савла. Он схватил руками лицо и повалился на каменистую дорогу. Савл понял, что ослеп! Разом! Пророчество Гамалиила сбылось! За хулу на Бога последовало наказание!

Что увидели спутники Савла? Только ослепительный свет! Точно полыхнула молния над самой головой, и в то мгновение, когда вспышка ослепила всю округу, свет этот и остался. Ни единого звука не коснулось их слуха! Но и поразительной вспышки средь бела дня было достаточно, чтобы оторопеть и вразить в землю. А ещё увидели они, как их начальник, вскинув голову к небу, рухнул на колени и что-то горячо зашептал. А потом повалился ничком на дорогу. Это было прозрение для одного! Ведь у каждого своё откровение, и оно приходит неожиданно, как неожиданно свистящая стрела пронзает сердце человека – и вздохнуть не успевает он!

3

В Дамаск Савла привели, держа его под руки. Судьи новой веры уже не походили на воителей, а скорее на тех, кто после битвы, унеся ноги, едва доползает до дому. Перемена в вожак поразила каждого...

– Найдите дом Иуды на Прямой улице, – сказал Савл спутникам.

Те нашли дом, и там, у знакомых, похожий на слепого кота, который забивается в самый дальний угол, час за часом Савл ждал решения своей судьбы. В страхе и великой надежде он понимал, что дело его только начато! Господь потребует его.

Так и случилось...

Судьба пришла в облике некоего Анания, ставшего к тому времени христианином – и одним из первых. Человек этой веры только и мог сказать своё слово ревностному гонителю христиан. У него обязательно должно было найтись спасительное слово!

И Ананий, увидев перед собой раздавленного человека, но с искрой надежды в сердце, сказал ему:

– Савл, брат мой! Господь Иисус, явившийся на твоём пути, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Духа Святого!

И «чешуя отпала от его глаз», как много позже напишет о своём товарище евангелист. Савл ощупал свои глаза – он ещё не верил своему счастью! Но не только глаза, в эти минуты разом открылось и сердце его великой истине – правоте тех, кого он так беспощадно преследовал и посылал на казнь.

– Скажи мне, Ананий, – схватив руку избавителя, спросил молодой фарисей, – но отчего Он излил свою милость на того, кто терзал Его Церковь?

– Бог отцов наших предназначил тебя познать волю Его, – как ни в чём не бывало ответил ему Ананий, – увидеть Праведного и услышать голос Его из уст, ибо ты будешь свидетелем Ему перед всеми людьми.

Это был исчерпывающий ответ – иного и не надо. Отныне путь Савла писала рука свыше – и ничто уже и никогда не могло увести его в сторону ни на шаг.

– Что мне теперь делать? – спросил он у Анания, когда тот собрался покинуть его.

– Пережить такую Встречу сложно, – ответил предопределённый гость. – И тут каждый решает сам, как ему быть. В первую очередь ты должен креститься и омыть грехи свои, призвав имя Господа Иисуса. А потом... – Анания медлил, – Господь, чтобы обдумать всё, ушёл в пустыню. Там никто не помешает, не прервёт течение мысли.

И впрямь, пережить такое потрясение оказалось Савлу непросто.

– Я внимаю твоему совету, Анания, – покорно сказал он и приложился губами к руке посланника. – Спасибо тебе.

– Благодарю Его, – ответил тот. – Просто пришло твоё время.

Савл приказал слугам вернуться в Дамаск, сказав, что должен подлечиться и встать на ноги. Сейчас ему не до ловли еретиков! Люди его отряда обрадовались. Все видели, что стало с предводителем.

– Может, кому-то стоит остаться с тобой? – спросили они.

– Уходите все, – строго ответил Савл. – Я так хочу.

И они ушли. Оставшись один, Савл вздохнул свободнее. И в первую же ночь он с котомкой за плечами покинул Дамаск. Савл перешёл границу и оказался в соседнем Набате́йском царстве. Оттуда рукой подать до песков Аравии! Вот где он насладится одиночеством! Вот где он в полной мере услышит своё сердце. Он решил, что сухие ветры пустыни отрезвят его. Расположившись меж камней, глядя, как парит в синем небе орел, нарезая круги и высматривая добычу, Савл решал свою судьбу. Он питался кореньями. Искал воду там, где её не могли найти звери. Он истощал и превратился с тенью самого себя. Но зато каким огнём горели его глаза! Они пронизали пространства и достигали неба. Его потрескавшиеся губы, когда он смотрел ночью на звезды, шевелились. Савл разговаривал! С кем? С Тем, Кто совсем недавно ослепил его, а затем вновь дал увидеть свет, но уже иным. Но долгие размышления были не в его природе! Слушать вой песчаных ветров, переползающих по барханам и поющих между редкими скалами, скучно. Ум Савла был точен и быстр, все задачи он решал мгновенно. Как-никак, а этому человеку суждено было изменить мир!

Наблюдая за орлом, который всё чаще поглядывал на него, человека внизу, острым взглядом охотника, Савл прошептал:

– Надо делать дело!

Он покинул пустыню и вернулся в Дамаск. Но вернулся он другим человеком. Таким, каким его запомнит весь мир, когда он, странствуя по дорогам Европы и Азии, будет год за годом преображать человечество. Изменять его дух. И вернётся он к людям, конечно, с другим именем. С тем, что уже было записано на небесах волей самого Создателя.

Его будут звать Павел.

4

Что это значит, быть исполненным Духом Святым? Это значит уразуметь истину, природу жизни и смерти, предназначение человека и милость Бога, но не в течение десятилетий, подобно мудрецам, а разом. И не важно, седа твоя борода или нет. Это – дар! Свыше. Господь вкладывает свой огонь в сердце избранного. С этим огнём в сердце проповедовали пророки былых столетий. Именно так было на Пятидесятницу, когда на двенадцать апостолов сошёл Святой Дух, и языки точно перевёрнутого пламени, не обжигая, коснулись каждого из них, и они заговорили на языках всего мира – так, что их смогли понять буквально все, кто присутствовал при этом, а там были люди с разных концов земли. Именно с таким даром – исполненный Духа Святого – и вошёл Павел в Дамаск.

И тотчас же направил свои стопы в синагогу.

О нём, преданном фарисее и гонителе христиан, давно были наслышаны, его ждали и сразу освободили для него трибуну. Но Павла не могли узнать – он, высохший, чёрный от загара – точно горел изнутри. Его взгляд заставлял даже опытных священников опускать глаза. Что же он скажет? – ждали и гадали все.

Разоблачения опасных сектантов хотели они!

И Павел сказал. Он говорил напрямую, без обиняков.

– Я услышал волю Господа, – сказал им Павел. – По дороге в Дамаск!

«Вот, вот! – думали ревнители старозакония. – Сейчас он скажет!»

И он сказал:

– Я стал последователем Иисуса, Сына Божия, Помазанника Господа!

Услышать такое от фарисея Павла? Они замерли! Превратились в изваяния! Языки проглотили! «Что он говорит?! Что он говорит?! – шептались иудеи. – Мы ослышались?! Конечно, ослышались!» О, нет, не ослышались!

– Господь ослепил меня, чтобы я понял волю Его, и дал мне увидеть снова, чтобы я исполнил Его волю!

Вся синагога уже трепетала от его слов!

– Всё, что творил я прежде, – продолжал Павел, высушенный аравийской пустыней и наполненный небесной благодатью, – было преступлением против Господа моего. Но я прозрел – и хочу, чтобы вы услышали меня. Здесь и сейчас! Грядёт Его царствие! И через меня оно грядёт в том числе! Сын Божий идёт впереди своего воинства!

Его речь взволновала одних, обескуражила и поразила других, взбесила третьих.

– Неужто это тот самый Павел-гонитель? – спрашивали они. – Господь лишил его разума!

Но глаза пророка заставили усомниться многих. Ошеломлённые, подавленные, оскорблённые, воодушевлённые, слушатели ясно поняли, что в их жизнь пришло что-то новое. А ведь в Дамаске было много последователей Иисуса из Назарета. Недаром Павел шёл сюда творить свой жестокий суд! И вот они-то, посещавшие тот же храм, говорили: «Посмотрите, Павел, самый главный гонитель новой веры, стал её заступником! Разве могло такое произойти без воли Господа?» И впрямь – могло ли? Священники горели злобой и ненавистью к новоявленному пророку. Но Дамаск – не Иерусалим. Тут они не имели политической власти. Священники ждали, когда же он уйдёт.

К концу дня Павел ушёл. Но на следующий день он вернулся. И сколько людей, как оказалось, дожидалось его!

Так Павел и проповедовал – недели и месяцы...

В Дамаске с ним первый раз случился приступ той болезни, которая позже будет мучить Павла всю его жизнь и с которой он свыкнется, как со злой спутницей, от которой нет исхода. В камере, где он жил, Павел вдруг упал и забился в трясучке.

– Господи, погибаю! – задыхаясь, шептал он.

Пена пошла у него ртом. Его скрючило и заколотило. Прикусил бы язык – срезал бы его зубами, остался бы немым. Но нет! Не такая у него была судьба! Его слово стоило дорогого! Сам Господь говорил его устами. В те годы Павел только приноравливался передавать то, что слышал сердцем. А приступы падучей накатывали разом. Тело Павла переставало слушаться его, и он мог только корчиться от боли на ложе или на полу, обливаясь потом. Он знал, что эта болезнь пришла к нему вместе с великим даром от Господа. Что они связаны напрямую – связаны и неразлучны. Великое доверие Бога и происки разгневанного завистника-сатаны. Так он видел свой недуг! Но Павел только благодарил Бога за эту немощь...

Так прошёл первый год, второй, третий...

5

Сердце и душа его стремились в Иерусалим! Да только ноги никак не несли в столицу. И он всё откладывал возвращение туда, где прославил себя как гонитель праведников, один из палачей Стефана. Даже ему пока не хватало сил вернуться в великий город. В глубине души Павел опасался, что его примут за нарочно переодевшегося врага, лжеца, лжепророка.

А Дамаск – чистый лист, на котором он, вдохновлённый Духом Святым, может писать новую историю новой и самой главной веры рода человеческого.

В это самое время политическая обстановка в Иерусалиме и в Дамаске резко изменилась. В 37 году умер на Капри император Тиберий, с которым неразрывно и навечно связана казнь Иисуса Христа. Хозяином Римской империи стал Калигула. Весь цивилизованный мир лихорадило. Во время неразберихи со сменой власти в Риме сирийский Дамаск и перешёл из рук римлян грозному набатейскому царю Арете Четвертому, который посадил там своего наместника – этнарха. Наместник клятвенно пообещал Арете восстановить в Дамаске мир и покой.

Этнарх сидел в своём дворце, на троне, в окружении вельмож и стражи, когда к нему пожаловали старейшины еврейской общины. Эта община была самой влиятельной, и стоило выслушать посланцев.

– Что вам, иудеи? – милостиво спросил этнарх.

Он поигрывал пальцами правой руки в золотых перстнях по подлокотнику высокого трона, и драгоценные камни – рубины, сапфиры, изумруды – ярко переливались перед глазами строгих иудеев.

– О, всемилостивейший владыка, – сказал старший, – в Дамаске появился вредный человек, злой проповедник, и день ото дня мы терпим от него.

– Кто таков и что он проповедует? – спросил хозяин города.

– Это некий пришлый иудей по имени Павел! – сказал старший, и всё его окружение оживлённо закивало. – Он сеет волнения и смуту, подбивает мирных иудеев к бунту. Прикажи изловить его и казнить! Или отдать его нам, мы с ним поступим на наше усмотрение. Но сделать это нужно как можно скорее, иначе негодяй уйдёт. Ему помогут – слишком много его сторонников и последователей в Дамаске!

Этнарх взглянул на своих советников, теснившихся за его левым плечом, за спинкой трона, и те сразу потянулись к нему, зашептали: «Изловить и казнить, владыка! Изловить и казнить немедленно!» Но этнарх и так знал: бунт чёрной краской зальёт его наместничество в Дамаске, скажет о нем царь Арета: не удержал в спокойствии великий город! Позволил власти пошатнуться! Так стоит ли он того места, что занимает?..

И тогда этнарх кивнул:

– Будет по-вашему, иудеи! – Он грозно выбросил руку с вытянутым указательным пальцем вперёд, и кровавый рубин в золотой оправе отразил свет факелов и лампад. – Приказываю

запереть ворота, чтобы преступник не сбежал, схватить негодного Павла и доставить его ко мне! Я лично стану судить его!

Стража немедленно бросилась искать проповедника по всему Дамаску. Несомненно, что Павла ждала мучительная смерть! Но его паства уже разрослась за несколько лет, учеников и друзей было много.

Павел вёл беседу в одном из домов, где его принимали, туда и прибежали ветром его друзья.

– Павел, старейшины иудейские обвинили тебя! Этнарх тебя ищет! Поймает, будет пытать, а потом казнит! Надо скрыться!

Помощь пришла вовремя: Павла вытащили из дома и до ночи прятали по дворам. В это самое время по всему городу рыскали солдаты наместника, в темноте освещая факелами лица прохожих. Где он, бунтовщик?! А им помогали иудеи, наслушавшиеся своего врага в синагоге и запомнившие его лучше других. Вот кто с особой страстью всматривался в испуганные лица прохожих! Подать сюда татья! Но когда спустилась ночь и охотников чуть поубавилось, Павла тайно провели к крепостной стене. Ворота башен были закрыты – и мышь не проскочила бы мимо стражи! Но был другой путь! У крепостной стены Павла ждали друзья.

– Равви, идём за нами! – сказали ему.

Павел поднялся за единомышленниками на стену, и через бойницы ему открылась половина Сирии, спавшая под яркими звёздами. А ещё он увидел большую корзину для фруктов. Чтобы не доставлять всю провизию в город через ворота, создавая толкучку, да под взглядом подозрительной охраны, такие корзины часто использовались для быстрой переброски груза напрямик через крепостные стены.

– Забирайся в корзину, Павел, – сказал ему один из друзей. – И поторопись!

– Если у тебя много врагов, – переступая край корзины, улыбнулся проповедник, – то и много друзей! – Он уселся в неё. – Как дитя в колыбельке, – пробормотал Павел. – Как малое дитя...

– А вдруг равви упадёт и разобьётся! – воскликнул кто-то.

– Наши жизни в руках Господа, – успокоил учеников Павел. – Уповайте на Него и ничего не бойтесь!

А самому было страшно, и ещё как! Ведь там, внизу, всё ещё отрядами рыскали его враги, отсюда было видно, как они освещают улицы города факелами. А ещё, как правильно побеспокоились его друзья, нужно было удачно приземлиться, не сорваться! Потяжелее он был апельсинов, бананов и оливок!.. И вот уже раскачивалась корзина, цеплялась за камень, ползла вниз. А Павел... он шептал молитву, просил Господа и о счастливом приземлении, и об избавлении от рук врагов! И Господь услышал его. Как позже сам Павел напишет в своём втором послании к коринфянам: «В Дамаске областной правитель царя Ареты стерёг город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук».

Так, беглецом, Павел покинул Дамаск и свою паству – и теперь его дорога лежала только в одном направлении. В Иерусалим!

Где за ним, увы, плотной вереницей тянулись недобрые дела. Много недобрых дел! Но разве Господь помнит грехи покаявшихся? Конечно, нет. Он только рад принять очистившихся грешников. Тем паче, ставших избранными его сотрудниками.

Только это укрепляло Павла в его возвращении в Иерусалим. Но мало кто шёл куда-то с таким противоречивым чувством, как Павел. Сердце его стремилось в Иерусалим, разум отговаривал от этого пути. Но Павел был тем человеком, который шёл по зову сердца. Потому что именно этот путь – путь человеческого сердца – прокладывает сам Господь.

Прошло много дней перед тем, как проповедник увидел перед собой стены Иерусалима. В столицу Иудеи Павел ступил врагом – и врагом для обеих сторон. Для первосвященника он был предателем, для апостолов – палачом их братьев по вере.

Его узнавали – слишком часто он прежде бывал на виду! «Это Павел! – шептались иные. – Палач Стефана! Хулитель Благой вести! Гонитель назареев!» Но очень скоро, и Павел это знал хорошо, ему столкнуться с властью предрешено. И они во всеуслышание скажут: «Он – отступник и враг!»

Так что ему было делать? Куда идти? К кому прибиться?

И тогда Павел решился: он отправится к старому товарищу по школе у Гамалиила – к Иосифу Варнаве. А вдруг тот, через озарение ставший христианином, его не прогонит? Выслушает? Поверит ему? Ведь отныне они так похожи!..

Вот что чуть позже напишет о Варнаве евангелист Лука в «Деяниях святых апостолов»: «Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения, левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав её, принёс деньги и положил к ногам Апостолов». Все было именно так. Иосиф, апостол из семидесяти, образованный и богатый человек из уважаемой иудейской семьи, в корне изменил свою жизнь. Руководствуясь сердцем и заповедями Иисуса, он сам отдал всё состояние общине и занял место среди избранных Господа. Иосифа прозвали «Варнавой» сами апостолы Иисуса, и они же, думается, с подачи Гамалиила, сделали его попечителем Иерусалимской церкви. Это место должен был занимать не только преданный верующий, но и мудрый администратор.

Павел оказался на пороге дома Варнавы в изодранном плаще странника и беглеца, с лицом, которого коснулось духовное преображение. Хозяин вышел к нему через крохотный садик, небольшой пятачок, где росли оливки и виноград. Подошёл к деревянному заборчику, увитому вьюном.

– Здравствуй, Варнава, – сказал Павел однокурснику. – Ты разрешишь мне войти в твой дом?

В глазах бывшего ревнителя Старого закона по-прежнему горел огонь, но уже совсем иной. Этот огонь и удивил Варнаву, и заставил его открыть калитку, отступить и дать бывшему товарищу дорогу.

– Войди, – сказал он.

И Павел переступил его порог. Варнава, огромный и статный, смотрел на своего невысокого однокурсника сверху вниз. Они, степенный Варнава и огненный Павел, так были непохожи друг на друга! И вот их вновь свела жизнь. А ведь это была судьбоносная встреча! Судьбоносная не только для Иерусалима, не только для всей Римской империи, в которую входила Иудея со своей столицей. Но и для всего мира – вперёд на тысячелетия...

– Благодарю тебя, Варнава, что не прогнал меня, – сказал Павел. – Я боялся, что может быть иначе.

– А что же твой друг Каиафа? – Хозяин уколол гостя взглядом. – Он более не принимает тебя?

– Не смейся надо мной, это уже ни к чему. – Странник смиренно выждал паузу. – Уверен, ты догадался, почему я пришёл именно к тебе.

Павел посмотрел хозяину дома в глаза. Снизу вверх. Но с достоинством! Варнава не мог не слышать о нём! Три года бескомпромиссного и верного служения идее – большой срок!

– Потому что больше не к кому было идти? – спросил тот, и Павел всё понял: его старый товарищ знает! Да, некуда! Мир разделился для него, Павла, напополам, и каждая половина ненавидела его. – Ведь ты был точно волк, дерущий овец, Павел, – грозой стоял перед ним Варнава. – Именно так ты гонялся за людьми Благой Вести и резал их одного за другим. Таким запомнил тебя Иерусалим...

Вечерело. Павел склонил голову. За его спиной зеленели виноградники и отливали алым сложенные из белого камня городские домишки бедноты. Сгустились краски неба. Бродяга поднял голову и взглянул в глаза хозяину скромного жилища.

– Но ты знал меня не только свирепым гонителем христиан, но и простым юношей, желавшим познать истину и Бога со всей искренностью, на какую только способно молодое неопытное сердце. Так кто поверит мне, кроме тебя? – Он покорно кивнул: – Ты прав, Варнава, мне не к кому было идти в Иерусалиме. Только к тебе.

Спутанная борода Павла напоминала бороду нищего. Его одежда казалась не лучше. Видом он был жалок, но сколько силы почувствовал в нём Варнава. И каким светом горели его глаза. Посмотри он на сухой тростник – и тот вспыхнет!

– Пройди в дом, каким бы ты ни был, – сказал апостол.

Павел вошёл. Он держался очень скромно, готовый в любую минуту уйти, и одновременно с великим достоинством. Мало ли, кто что думает о нём! Он о себе знал куда большее.

Его поведение не укрылось от попечителя Иерусалимской церкви, и тот сдержанно улыбнулся выдержке старого товарища.

– Я готовился трапезничать, Павел. У меня ячменные лепёшки, овощи и вино.

Павел улыбнулся:

– В аравийской пустыне, среди голых скал, где я питался кореньями и где ко мне приглядывался вечно голодный орёл, увидев во мне свой хлеб насущный, такая трапеза показалась бы мне царской.

Когда-то Варнава жил в богатом доме на Кипре, где у него была печка, в которой слуга пёк ему хлеб. Теперь все изменилось. Во дворе своего иерусалимского домика он, как и другие бедные евреи, устроил «пекарню». В яме разжигал костёр и ставил на него обожжённую, похожую на плоский камень, глиняную жаровню. И уже на эту жаровню укладывал лепёшки из недорогой ячменной муки. Они запеклись быстро. Вино, которое он пил, было слабым: не для хмеля такое вино, а для доброго расположения духа. Были мелкорубленные сваренные овощи в глиняной миске. Варнава зажёл масляную лампадку, указал гостю на одну циновку, сам сел на другую, напротив. Между ними и был обеденный стол.

Павел молчал, глядя, как Варнава готовил нехитрый ужин, расставлял плошки с едой, покрепче установил кувшин с вином, чаши. Но вот хозяин взял лепёшку, разломил её и протянул гостю; разлил по глиняным чашам вино. Их взгляды то и дело встречались. Варнава прочитал молитву, положил кусочек хлеба на язык, запил вином. То же проделал и Павел.

– О тебе дошли слухи из Дамаска, – заговорив, Варнава пытал проникательным взглядом своего прежнего однокурсника. – Ты и впрямь так изменился? – Трудно было поверить в такое. – Докажи, что ты родился заново, как некогда родился заново я сам. От этого будет зависеть моё решение.

– Я родился заново в тот день и час, в то мгновение, когда по дороге в Дамаск, три года назад, услышал своё имя, произнесённое с неба: «Савл, Савл, – сказал голос, – за что гонишь Меня?!» – Павел кивнул: – И увидел свет, меня ослепивший. – Он посмотрел на старого товарища, требуя веры его словам: – Но это и был свет прозрения, Варнава. Меня позвал Иисус. Тот, Кого знал ты и кого я никогда не видел при жизни. Но проклинал – столько раз проклинал! А Он узрел меня на той дороге и взял в свои работники. И я в мгновение ока стал Его верным слугой. Как такое могло случиться? Сказали бы прежде – не поверил бы. Плюнул бы в такого вестника. Но ведь случилось!

Они говорили долго. Среди прочего Павел сказал и так:

– Можно изменить убеждения, можно изменить религию, на всё воля Божья. Но страстность и яростность натуры изменить нельзя – это суть природа. И с какой страстью я был гонителем христиан, с такой же страстью нынче я уповаю на слово Господа нашего и борюсь за воплощение Его воли под этим небом. И призван я не своим честолюбием и домыслами, а Его Властью. Дела, сделанные мною за три года, которые я провёл в Дамаске, и мои верные ученики, коих уже немало, тому лучшее свидетельство. Веришь ли ты мне, Варнава? Именно теперь мне нужна твоя помощь и защита – не перед Богом – перед людьми! Бог всё видит

и простит, Он утешит и направит, с людьми – сложнее. Они помнят зло, и сердца их подчас точно камень!

Павел оказался прав, что доверился Варнаве.

– Я верю тебе, – сказал страннику апостол. – Но я хочу, чтобы то же самое ты сказал Петру. Если он тебя примет – тебя примут все. А Пётр сейчас как раз в Иерусалиме...

Вот к кому было страшно идти Павлу! К избранному ученику Иисуса, которому Он вручил ключи от врат в Царствие Небесное. А ведь это значило, что Господь сказал человеку: «Кому простишь ты, тому прощу и Я». Об этом знают все обращённые в христианство. И этим человеком, самым доверенным лицом Господа на земле, был апостол Пётр. «Все, о чём рассказал мне, расскажи и Петру, – подсказал Варнава. – Точно он, как и я, твой старый друг».

Пётр ждал гостей в одном из христианских домов Иерусалима.

– Боязно, – тихо произнёс Павел у дома первого из апостолов.

– Все в руках Господа, – ободрил его Варнава.

Гигант легонько подтолкнул Павла в открытые двери, тот прошёл одну бедную комнату, затем другую, и тогда увидел ученика Господа – Пётр сидел на циновке и ждал гостей. В прошлом простой рыбак, которому были доверены ключи от неба. Как такое может быть? Не царю, не тетрарху, не первосвященнику. Рыбаку! Как в это поверить? Ответ был прост. Всё дело в сердце! В его чистоте. В преданности Господу и в святой вере. И в делах человеческих. Все по воле Господа. Ученики преобразились после смерти Учителя. Стали сильнее и старше. Прямее, смелее, увереннее в себе. Они стали мудрецами. Солдатами. Полководцами. Царями. Наместниками Бога на земле, готовыми в любую минуту принять смерть за свою веру. Вот кем они видели себя после нескольких прошедших лет. Они пытались, и успешно, оправдать доверие Бога.

Вчерашний рыбак, ныне – первый ученик Вселенной, в простой одежде смотрел на гостя этого дом. В смоляной бороде его пробивались нити серебра.

– О тебе, Павел, благодаря твоей работе в Дамаске, уже знают многие, – сказал апостол. – И потому всем сердцем я хочу верить тебе...

Но так оно и было! Слава о заново обращённом Павле – преданном христианине – уже дошла сюда. Священники в Иерусалиме места себе не находили, когда прознали, что самый ценный их агент перебрался во враждебный лагерь. И, конечно, весть об этом разнеслась по Иерусалиму очень быстро.

Пётр поймал взгляд Варнавы. Все ждали. Молчали и ждали.

– Я хочу поговорить с Павлом с глазу на глаз, – сказал Пётр.

Они остались вдвоём. Павел вновь рассказал свою историю. Удивительную, поучительную! Был только один вопрос: поверит ли ему Пётр! Но Пётр, камень в основании веры Христовой, был мудр. Он лучше других знал, на что способно слово Господа. Мытарь Матфей, едва услышав Христа, бросил своё презреннейшее дело на свете и стал одним из первых учеников Господа. Был прощён в одно мгновение! Распутница, едва коснулась ног Господа, обрела горную чистоту и стала Его верной ученицей. Да и сам Пётр, три раза отказавшийся от своего Учителя накануне Его казни, знал силу этого великого исцеления. Когда сам Бог заинтересован в тебе, как в своём работнике, тогда нет преград, тогда рушатся все законы этого, земного, мира, и торжествуют законы мира вечного.

К счастью, мудрости и любви Петра хватило на то, чтобы с первого взгляда увидеть в Павле брата во Христе. Рассказ Павла вдруг перешёл в диалог двух мудрецов. И как же хорошо они понимали друг друга! Самая первая их беседа, рыбака и раввина, открыла их сердца навстречу друг другу. Ведь Его озарение коснулось обоих! Один свет пронзил их сердца и остался там раз и навсегда. Они стали добрыми товарищами – и сразу. Им почти всегда быть вместе – не в жизни, каждый из них был слишком велик, чтобы идти с другим на равных, но на сотнях тысяч икон, которые будут писать два тысячелетия!

Потому что они и были равными в своём величии!

Вместе они посетили Капернаум. Пётр познакомил Павла с Иаковом – братом Господа. Потом, в городке Назарете, Павел увидел Марию, Его мать. Укрытую платком, поседевшую от испытаний и горя, с большими лучистыми глазами. Она вышла к ним на зов Петра. Павел осторожно взял её руку, поднёс к своим губам и долго не отрывал. Он плакал, прижав ладонь Богородицы к исхудавшей щеке. Точно забылся он в эти минуты. И очнулся только тогда, когда она коснулась его головы. Заботливо и нежно, очень по родному.

– Твой Сын приходил ко мне, – наконец тихо сказал Павел. – Взял меня к себе в работники.

– Я слышала о том, – улыбнулась Мария. – Он ищет на дорогах мира избранных и будет искать...

Мария, мать Иисуса, оставила его с Петром пожить у них две недели. Это была великая честь!

И вновь в Павле звучал Голос и звал его. Но куда? Всё выяснилось ещё быстрее, чем думал Павел.

В один из этих дней, после возвращения из Галилеи, Павел вошёл в синагогу. Он молился в дальнем тёмном углу, куда бы не заглянул ни один фарисей, ведь законники выбирали самые освещённые и почётные места в храме, у алтаря, «ближе к Богу». А значит, он мог не бояться быть узнанным, уйти от обличительных речей. Молитва Павла была так горяча, что походила, скорее, на исступление. Он просто хотел получить ответы! А вопросов было так много! Он говорил: «Господи! Здесь всем и каждому известно, что верующих в Тебя я заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерёг одежды побивавших его! Неужели мне здесь поверят, Господи? Неужели здесь станут слушать меня? Хватит ли мне сил убедить Иерусалим, Господи? Ведь даже добрая слава, что я обрёл в Дамаске, мало помогает мне! Каждый второй думает: такой изобретательный и хитрый фарисей и каратель христиан, истинный лис, может выдать себя за кого угодно, лишь бы поближе подобраться к своим врагам. Как же мне быть, Господи?!» Вот тогда он и услышал Голос: «Поспеш и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства обо Мне!» Это был тот же Голос, который он услышал по дороге в Дамаск! Сердце Павла выпрыгивало из груди! А Голос сказал: «Иди! Я пошлю тебя далеко к язычникам – и они будут верить тебе!..»

Когда Павел пришёл в себя, стоя в дальнем тёмном углу синагоги, он ещё долго соображал, было ли с ним всё это на самом деле или только пригрезилось ему. Ведь именно это он хотел услышать! И начать свою жизнь хотел с чистого листа. Павел оглядывался, не стал ли кто свидетелем его замешательства. Но всё было спокойно. Голос звучал, как и по дороге в Дамаск, только для него одного. Постояв ещё немного, Павел двинулся к выходу... Что бы ни случилось на самом деле, ответ был ясен. Теперь он знал, как ему поступить. И как жить дальше.

Вскоре в доме Варнавы, у огня, хозяину и открылся пылкий и готовый к подвигам Павел:

– Варнава, тут, в Иерусалиме, на земле иудейской, уже есть свой вождь – это апостол Пётр. Другие одиннадцать апостолов, друзья и ученики самого Бога Живого. Ещё семьдесят учеников, к которым принадлежишь и ты. Но все вы живёте и проповедуете в замкнутом мире!

– В замкнутом мире? – преломляя лепешку, спросил Варнава и подал часть хлеба товарищу. – Что это значит?

Хозяин разлил и вино по чашам.

– В мире иудеев! Вы не слишком озабочены тем, что будет с душами людей, живущих за границами нашей земли. С великой армией язычников во всём мире! Будут те, неразумные, гореть в геенне огненной за идолопоклонство и безбожие или потянутся к истинному свету и вечной жизни.

– Но тот мир – чужой мир, – ответил Варнава, лицо которого освещалось порывами. – Разве нет?

– Думаю – нет, – покачал головой Павел. – Уверен в этом!

Уже тогда Павел знал, что у него иной путь. Он чувствовал это сердцем! Он уже знал, по наитию, по великому зову, который способны услышать лишь избранные, что его предназначение – завоёвывать души людей всех народов – от Иерусалима до самого Рима.

Но пока об этом он не сказал Варнаве – чересчур смелыми были его мечты!

А вскоре оказалось, что сама судьба выталкивала его из великого города. Далеко не все христиане Иерусалима оказались так же лояльны к бывшему служаке Каиафы, как Пётр, Иаков и Варнава. Особенно те, чьи родные претерпели от взбесившегося фарисея. Да и как забыть, если твоего родного брата или отца мучили в казематах? Исправился он, не исправился, хотелось отомстить! Были такие христиане, кто желал как можно скорее поквитаться с Павлом за Стефана по ветхозаветному обычаю – око за око и зуб за зуб. И никто бы их не смог остановить!

– Тебе надо уехать из Иерусалима, – сказал ему в один из этих дней Варнава. – От греха подальше.

Согласился с ним и Пётр:

– Не искушай тех, кто ещё не умеет прощать, – сказал он. – Отправляйся на родину, Павел. Когда страсти улягутся, ты вернёшься.

Друзья убедили Павла уехать как можно скорее. Пока пусть будет так! И ранним утром, когда весь Иерусалим спал, Павел с котомкой за спиной быстрым шагом отправился в Кесарию. И уже оттуда отплыл в Тарс. Вцепившись в деревянные поручни корабля, под шум волн, разбивающихся о борт, он смотрел на мир иными глазами. Всё изменилось в нём. Душа, сердце, взгляд. Мир изменился вокруг него! У него появилась цель. Великая цель! Счастлив тот человек, кому Господь даёт такое точное направление! Это как попутный ветер, дующий в паруса судна. Ты не плывёшь – летишь вперёд!

Едва Павел переступил порог отчего дома, ему удивились. Павел вернулся на родину возмужавшим – в первую очередь духом. Так решили родные. Но только ли это? Конечно, нет! В его взгляде больше не было упёртого фарисея, заострившегося в догмах, преисполненного несокрушимой правоты и гордыни. В его глазах жила высокая душа христианина! И, может быть, самого верного, самого мудрого на земле.

Вот чего не могли понять его близкие. Точно Кто-то, взяв их сына за руку, увёл его в сторону. Открыл ему иной путь.

– Что с тобой стало? – спросил его отец, сразу распознав в Павле совсем иного человека, не похожего на того, кого он отпустил учиться в Иерусалим.

– Я познал истину, – ответил Павел.

Он заговорил с родными – заговорил на новом для них языке. Как же ему хотелось получить в ответ горячий отклик их душ! Увы, этого не случилось. Они просто не поняли его. Иерусалим – далеко, события, произошедшие там, если и долетели до Тарса, то лишь слабым эхом. И то лишь благодаря тем эллинистам, что, убоявшись расправы, бежали из Иерусалима и расселились в разных землях, в том числе и по побережью Средиземного моря. Но если родные и соседи не смогли разделить его взгляды, разве можно было их осуждать за это? Конечно, нет! Павлу хватило мудрости понять их. Его уже коснулась благодать, божественный свет через откровение пронзил его. Теперь ему суждено было помочь и своим близким, и другим жителям Тарса, решил он.

Павел был учёным фарисеем, стал христианским проповедником, но и то и другое никак не могло обеспечить его существование в Тарсе, а сидеть на шее у пожилых родителей он не захотел, и Павел до срока решил заняться ремесленничеством. Он продолжал проповедовать в синагоге, называл себя фарисеем, но почему? Просто он видел в христианстве, в Новом Завете, продолжение Ветхого Завета, служителем которого он тоже был. Он не желал разделять их – он

просто пошёл дальше! Что до прочих священников, не желавших идти с ним и отказывавшихся понимать его, что ж, решил Павел, не пришло ещё их время!

Каждому плоду свой срок.

6

В Тарсе, торговом языческом городе Средиземноморья, жизнь шла равномерно и хорошо. А вот Иерусалим бушевал – новый император Калигула совсем помешался. Возможно, он перенёс воспаление мозга, а именно менингит, но после болезни молодой император стал вести себя совсем уже безумно. Он на самом деле возомнил себя богом и везде приказал ставить себе изваяния. Именно такую статую должны были установить и в Иерусалимском Храме. Разумеется, правоверные иудеи лучше бы дали себя распять, чем позволили бы совершиться такому святотатству. И Калигула, несомненно, приказал бы вырезать всю Иудею, воспротивясь она его смелым замыслам. Но страшного, к счастью, не случилось. Слишком абсурдна была власть нового императора! Пять лет Калигула баламутил империю, но более всего запомнился тем, что ввёл в чин сенатора свою любимую кобылу и приказал приводить её на слушанья. Ещё он объявил войну камышу и заставил армию сражаться с ним. То и дело устраивал кровавую резню своим подданным. И в конце концов доигрался – его вместе с четвёртой женой Цезонией и годовалой дочерью убили.

Но эти события, и особенно угроза установки в Храме статуи полоумного императора, совсем стёрли из памяти иудеев-христиан прошлые ошибки Павла. На престол в Риме сел император Клавдий – в сравнении с Калигулой добрейшей души человек! Находясь под пятой своей жены, которая позже отравит его, чтобы посадить на престол своего сына от первого мужа, Клавдий делал многое, дабы замирить империю во всех отношениях.

В это самое время разнёсся слух, что апостол Филипп пошёл проповедовать Слово Божье в Самарию. Это был тот самый Филипп, один из двенадцати, который просил у своего Учителя показать им, ученикам, Своего Отца. На что Иисус с упреком ответил: «Столько время Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца». И вот Филипп по наитию двинулся в Самарию, а ведь сам Спаситель говорил: «В город самарянский не входите!» Но Филипп решил проявить инициативу. Возможно, он вспомнил и притчу Иисуса о добром самаритянине, который помог избитому на дороге иудею, и о том, что Сам Спаситель беседовал с самаритянкой о «духе и истине», и жителей самаритянского Сихаря, которые увидели в Нём Миссию.

Вражда между иудеями и самаритянами была давняя – многовековая!³

Для иудеев все люди делились следующим образом: на первом месте стояли сами иудеи – богоизбранный народ, на втором месте – прозелиты, это язычники, принявшие иудаизм, включая обрезание, и на третьем месте – просто язычники, которых иудеи не любили и боялись, как человек может не любить и бояться дикого лесного зверя. И были самаритяне – вот кого иудеи не считали за людей, но и самаритяне платили им тем же. Нет худшей вражды, чем вражда между одним племенем, расколовшимся по вере и двинувшимся каждое в свою сторону!

³ Вышедшие из одного племени, из царства Израиля, они на протяжении столетий всё дальше уходили друг от друга. В X веке до н. э. единое царство Израиль – ветхозаветное царство Саула, Давида и Соломона – раскололось надвое – на Иудею, южное и меньшее по территории царство со столицей Иерусалимом, и Самарию, северное и большее царство, названное так по имени последней столицы – Самарии. В южном остались два колена из двенадцати, в северном – десять. В VIII веке до н. э. ассирийцы завоевали Самарию и увели все десять колен в рабство, расселив их в других землях, положив тем самым начало еврейской диаспоре. А Самарию заселили другими племенами, которые смешались с оставшимся местным населением и с веками превратились в самаритян. С той поры на этой земле, когда-то священной, процветали языческие культы, что было мерзко для иудеев. И хотя в VI веке до н. э. халдейский царь Навуходоносор завоевал и саму Иудею, срыл стены города, разрушил Храм и увёл часть иудеев в рабство, только иудеи считали себя наследниками Давида и Соломона.

Одним словом, культура и религия иудеев и самаритян уже давно разнилась настолько, что они просто не замечали друг друга. А если замечали, то проходили мимо с недобрим сердцем. Но как однажды напишет апостол Павел в своём послании к колоссянам: «Нет больше эллина, нет иудея». «Пред лицом Господа», разумеется. Именно это и почувствовал одним из первых апостол Филипп и двинулся в Самарию проповедовать среди соседей полуязычников слово Божие.

Раздумывая, правильно ли это, богоугодно ли поступает Филипп, любимцы Иисуса апостолы Пётр и Иоанн пришли к заключению, что да, богоугодно! И пошли вслед за Филиппом в Самарию. Жители Самарии давно ждали своего Мессию – «Тахеба», и поэтому проповедь христианства легла на благодатную почву. Апостолы возвращались из Самарии с полной убежденностью, и вполне справедливой, что ещё одна христианская церковь основана на земле.

В это же самое время на дороге в Газу апостол Филипп встретил знатного эфиопа из евнухов, прибывшего из Африки. Тот ехал на колеснице. Они разговорились. Оказывается, мавр был знаком со Старым Законом иудеев. Филипп, которому в Пятидесятницу Господь дал силу Святого Духа, очень быстро обратил мавра в христианина, и тот отправился домой в Благой Вестью. В то же самое время в Кесарии апостол Пётр обратил в христианство римского центуриона Корнелия, который сам пришёл к нему за крещением, и всю его семью. Это были ещё два великих шага на пути к созданию Вселенской церкви!

Можно только удивляться, какими крохотными были эти первые ростки, но какие великие плоды готовы были родиться от такого урожая! Воистину, только чудесные семена, только Слово Божье и могло дать именно такие всходы! И какие сады виделись уже на горизонте человечества!..

Но вот что главное, сами апостолы воспринимали такую проповедь – среди не иудеев – как исключение из правил. Апостолы в первые годы своего труда не ставили своей целью обращение язычников. Когда придёт Страшный суд, все они – по мнению крестившихся иудеев – должны были гореть синим пламенем, и туда им и дорога! Ведь Благая Весть, так поначалу считали апостолы, только для богоизбранного народа. Да и как это – шагнуть в Новый Завет в обход Старого? Но апостолы тоже выросли! Набирались ума-разума. Поначалу они были рыбаками, но с искрой в сердце, потом верными учениками, а после Его смерти и воскресения – первыми проводниками Его идеи. Инициаторами великих событий на земле! Они выросли и становились более мудрыми, а Дух Святой, зажжённый иначе их сердца в Святую Пятидесятницу, дал и совсем уже новое направление в их творчестве. Именно – творчестве! Теперь они творили историю человечества.

Все это более других чувствовал Павел, подрабатывая простым ремесленником в родном Тарсе. Он не задумывался: а стоит ли крестить язычника? Он точно знал: это необходимо и в этом его предназначение. Павел ждал перемен. Это великое дело для человека – найти только свой путь. Главный. Указанный свыше. Павел его нашёл – и потому уже скоро ему будет суждено сдвинуть горы. Но пока, ничего великого не совершив в Тарсе, он только терпеливо ждал нового импульса, толчка судьбы, хотя бы отголоска – подобного тому, который он уже испытал однажды по дороге в Дамаск...

7

И это случилось – однажды к нему в дом пожаловал Иосиф Варнава. С какой радостью и счастьем встретил Павел того, кто первым принял его в Иерусалиме после бегства из Дамаска – принял, понял и простил.

Павел встретил его в простой одежде работника.

– Любой честный труд благороден, – сказал Варнава, – и Учитель наш до срока плотничал. Но тому, кому Господь даровал крылья, должно летать!

Что же привело Иосифа Варнаву в дом Павла? Вопросы веры и точного следования букве закона! Не так давно до Иерусалима дошли слухи, что, оказывается, в Антиохии существует своя христианская церковь. И создали её когда-то бежавшие из Иерусалима от гонений первосвященника Каиафы эллинисты. Те самые эллинисты, на которых так неистово охотился фари-сей Павел. Эллинистами, подобными погибшему Стефану, были потомки евреев, ещё прежде рассеянных по миру. Они впитали эллинскую культуру, которую распространили по ойкумене македонцы и эллины Александра Македонского ещё в конце IV века до н. э., когда весь мир зажил на греческий манер. Эллинисты старались блюсти иудейский закон, но плохо знали веру предков, и поэтому иудеи их недолюбливали. Но терпели. Эллинисты первые становились и христианами, потому что вера отцов в образе Ветхого Завета их притягивала менее, чем исконных иудеев, а Новый Завет окрылял куда более. И не было ничего удивительного в том, что эллинисты, бежав из Иудеи, стали первыми распространять христианство среди народов Малой Азии и на островах Средиземного моря, в первую очередь на Кипре.

Но что оскорбило иерусалимских христиан из чистокровных иудеев, в том числе и неприятно тронуло многих апостолов, так это то, что эллинисты стали повсеместно крестить язычников. Для многих правоверных иудеев, пришедших к Христу, это было то же самое, как крестить диких зверей в лесу! Ведь по понятиям иудеев-христиан надо было вначале стать иудеем, по вере, разумеется, понять и принять Ветхий Завет, и только потом делать шаг к Завету Новому. То есть надо стать прозелитом, постичь Тору, пророков и обрезаться и только потом уже принимать крещение. Иначе не считается! Иосиф Варнава, попечитель Иерусалимской церкви, апостол из семидесяти, был выбран Двенадцатью апостолами идти в Антиохию и разобраться в делах веры, в том числе и вразумить неразумных эллинистов. Он должен был сказать им: путь к Иисусу Христу возможен только через Ветхий Завет и обрезание!

Антиохия, что касается религий, была космополитичным городом своего времени в самом хорошем смысле этого слова. Её создавали греки, а этот народ, подаривший миру демократию и свободу вероисповедания, уважал и свои культы, и культы своих соседей. Римляне в этом вопросе оказались ничуть не хуже греков. Протопав большую часть известного мира того времени, застращав всех железными легионами и подчинив народы политически и экономически, они оставили этим народам полное самоопределение в выборе религиозного культа. Более того, у римлян даже существовало правило привлекать наиболее интересные культы и божества в свой пантеон. Так что первые христиане чувствовали себя в Антиохии весьма вольготно. Охота на них была ещё только впереди – и охота лютая!

Прибыв в Антиохию, Иосиф Варнава обнаружил тут огромную христианскую общину, которая уже несколько лет жила своей жизнью, никак не завися от «первопрестольного» Иерусалима, и была этой жизнью счастлива. В ряды христиан действительно легко вступали язычники, ничего не знавшие о Ветхом Завете. Но вот что интересно: именно они и становились ревностными и преданными христианами, не обременёнными старозаконием, религиозными распрями, симпатиями и антипатиями, которые были так сильны среди христиан-иудеев в Иерусалиме.

И вот, пребывая под крылом молодой Антиохийской церкви, Иосиф Варнава невольно задумался о том, кто же прав и кто не прав в этом вопросе? И где же истина? Где предел в христианизации других народов? И вообще, существует ли этот предел? С такими вопросами и столкнулся посланец Иерусалима и Апостолов Христовых в Антиохии. Он не мог не видеть, что новообращённые, знавшие один только Новый Завет, были необыкновенно преданны Христу и всем его заповедям.

Общину возглавлял прозелит Николай, из греков, который вместе со Стефаном входил в семёрку настоятелей-эллинистов Иерусалимской церкви, пока на эллинистов не начались гонения. Позже Лука напишет о Варнаве так: «Муж добрый и полный даров Святого Духа».

Как это было верно! Можно было добавить: «не стеснённый предрассудками»! И, слава Богу, что так!

– Знаешь, Николай, – честно сказал хорошо знавший его Варнава, – я возрадовался, увидев благодать Божию, царящую у вас в церкви. Прошу и далее держаться всех вас Господа. Как бы мне хотелось, чтобы и в Иерусалиме думали точно так же!

– Мне бы тоже хотелось этого, Варнава, – многозначительно ответил ему эллинист Николай. – Но сердце мне подсказывает: о нас ещё вспомнят! И недобрым словом.

– На моё заступничество вы всегда можете рассчитывать, – заверил его Варнава.

Теперь Иосифу Варнаве нужен был пылающий сердцем помощник, интеллектуал, способный не спастовать перед самым сложным богословским вопросом. Который не побоится найти единственный нужный ответ! И этот человек, как ему сообщили, находился совсем рядом – в восьмистах стадиях (159 километрах) от Антиохии – в Тарсе! К нему и направил Варнава стопы – он любил ходить пешком.

– В Антиохии наша церковь растёт не по дням, а по часам, Павел, – сказал Варнава, – и ты будешь там полезен более чем кто-либо другой.

В эту минуту в очередной раз решалась судьба Павла! Они расположились на лежанках, преломляли хлеб и угощались вином.

– Но почему именно я, Варнава? – за трапезой спросил у бывшего сокурсника и товарища Павел. – Не все поверят мне – бывшему гонителю! Ведь в Антиохии много эллинистов, а я охотился на них, как на животных. – Он с горечью улыбнулся: – И как животных сажал их в клетки. И палкой тыкал в них от злобы и ненависти, и радовался их мучениям!

Но и Варнава, уже готовый отправить кусочек лепёшки в рот, улыбнулся товарищу:

– Всё так, Павел. Всё так. Но есть и другая сторона этого дела. Трудно найти более красноречивого проповедника христианства, чем ты, мой друг. Мне не надо убеждаться в твоей искренности – я хорошо помню тебя по школе нашего учителя Гамалиила. Всё, что ты делаешь, исходит из твоих убеждений, из глубин сердца. – Варнава всё-таки отправил лепёшку в рот и запил её вином. – Ты не лжец, не любишь хитрить, лукавить! – жуя, горячо увещевал он. – Ты во всём искренен, в своих убеждениях и заблуждениях в том числе. Вот что главное! Если ты гонитель добра, то ты великий и страшный его гонитель, и упаси Господь встать на твоём пути! – рассмеялся гость, а Павел с той же горькой улыбкой потупил взор. – Но если ты встал на путь истины, то уже никто и никогда не собьёт тебя. В тебе богоизбранность была задолго до твоего перерождения. Но всему свой срок – дерево спит зимой и плодоносит летом. И глупо было бы зимой требовать от дерева плодов его!

– Это так, – задумчиво согласился Павел. – Я счастлив, что Господь дал мне увидеть весну!

– И потом, – продолжал Варнава, – никто не бывает так предан идее, как бывший её противник, обернувшийся в силу откровения свыше.

– И здесь ты прав, Варнава, – кивнул Павел. – И всё потому, что ты уже испытал обе силы – добра и зла, ты побывал во тьме дьявольской и на свету Божьем, ты познал всё, и тебе есть что с чем сравнивать. Воистину, это правда, Варнава! Бывший во мраке, но увидевший свет, уже никогда не обратится ко тьме. Она никогда не станет для него соблазном!..

– Именно, Павел! А ещё, ты – искусный фарисей, книжник, законник. Неопытный христианин вооружён только верой! Он спасёт себя, а других? Кого спасёт он ещё? Ты вооружён и верой, и знаниями. И кому, как ни тебе, выступать на диспутах перед жаждущими истины и обращать на свою сторону девственные души! Как сказал Господь Петру: «Ловить человеков!»

– Да будет так, Варнава, – согласился Павел.

– Собирайся, мы идём в Антиохию. Там ждёт тебя твоё поприще!

Как же быстро они поняли друг друга, как скоро решили связать свои судьбы во Христе! Их диалог ещё не подошёл к концу, а Павел уже знал: это *оно*! И его гость – вестник судьбы.

Исполнитель Божьего промысла! Но ведь и Варнава сердцем знал о том же, когда шёл в Тарс. Оставив свои труды в мастерской и простившись с родными, Павел в одночасье стал спутником Иосифа Варнавы. Уже на следующий день они выходили из Тарса. «Опять бежишь из дома? – спросили у Павла. – Куда? Зачем? Кто тебе этот человек? Неужели он ближе тебе, чем мы?» Как им было объяснить? Как ответить на эти вопросы? Они жили в разных вселенных и говорили на разных языках...

Ещё в доме Павла два проповедника решили двинуться сушей – так было скорее добраться до сирийской столицы. И вот теперь, с котомками на плечах, опираясь на посохи, они торопились в Антиохию. В город, в котором уже скоро – самом первом в истории! – последователей Христа назовут «христианами»; в город, который, опять же очень скоро, станет вторым по значению после Иерусалима и будет таковым на протяжении нескольких столетий, пока на историческую арену не выйдут христианские Константинополь и Рим.

– Я должен был внушить им, что вначале человек, желающий стать христианином, должен обречь себя и соблюдать Старый Закон и только потом креститься, – говорил Варнава Павлу. – Но скольких бы я отвратил этим требованием от крещения? Вправе ли я был так поступать? Я спрашивал ответа у Господа и слушал своё сердце, хорошо зная, каким путем Он вкладывает в нас Свою волю...

– И что оно говорило тебе, Варнава? – спросил Павел. – Твоё мудрое сердце?

– Мне, иудею, оно говорило, что христианином сможет стать любой человек земли, – кивнул апостол. – Приобщение ко Христу – вот что главное. Все остальное – условности.

Павел улыбнулся. Он думал точно так же – и уже давно! И был рад, что именно в Варнаве нашёл единомышленника.

Спустя три дня путники вошли в Антиохию.

– О тебе здесь хорошо слышаны, – вдруг сказал Варнава, когда они попали в гущу горожан на рыночной площади. – Не было прежде такого противоречивого проповедника, чем ты, Павел. Человек, который гнал христиан, затем увидел Господа и говорил с Ним, а потом создал в Дамаске церковь Христову, заслуживает великого внимания!

– Выходит, меня тут ждут? – спросил Павел.

– Ждут – и с нетерпением, – кивнул Варнава.

8

В космополитичной и веротерпимой Антиохии благоденствовали даже бедняки и нищие. Ублажал райский климат, наверняка, не хуже, чем в самом Эдеме. Щедрый Оронт напивал эту землю влагой. Парки и сады Антиохии дарили прохладу и покой, тут журчали фонтаны, а дармовые фрукты сами падали в руки. Оливки и орехи можно было собирать горстями! Да и щедрые на милостыню горожане всегда готовы были помочь куском хлеба или мелочью. Одним словом, с голоду в богатой Антиохии никто не умирал! Если не случался неурожайный год и за ним не следовал голод, конечно! Но это было исключением из правил. Греки, римляне и финикийцы составляли большую часть населения, но стекались сюда жить и торговать и представители других наций, в первую очередь со всей Анатолии. В Антиохии всем хватало места под солнцем! И, вот что интересно, никто никого не притеснял. Что касается свободы вероисповедания, разумеется. Главное, следуй римскому закону – строгому, но справедливому, и можешь быть уверен в завтрашнем дне. Римлянин в Антиохии поклонялся своему верховному богу Юпитеру, хотя к началу первого века верующих в богов римлян осталось мало: люди стали практичными циниками и скорее для вида посещали свои храмы. Греки могли пойти к Артемиде. Евреи группировались вокруг своей синагоги и малопонятного язычнику невидимого Верховного и Единого Бога. Финикийцы почитали бога Милькарта. И всех антиохийцев объединяла богиня Астарта. Древняя восточная богиня Иштар, на протяжении двух тысячелетий

переходя от одного народа к другому, на юге Малой Азии превратилась в Астарту. Анунит, Венера, Инанна – тоже были её имена! Анатолийским грекам её подарила соседняя Финикия, где она представляла собой «божественную мать», царицу природы, дарующую жизнь всему, что может дышать, плодоносить и любить. В широком смысле она являлась и матерью, и девой, и даже куртизанкой богов! А ещё Астарту была эротическим символом всего средиземноморского древнего мира. Поэтому её любили и почитали буквально все, кроме правоверных антиохийских евреев. Раз в году в Антиохии в честь Астарты устраивали праздник – воистину праздник жизни и плотских удовольствий! – потому что он сопровождался бесстыдными шествиями и неистовыми сексуальными оргиями. Правоверные иудеи шарахались от таких шествий как от чумы. Впрочем, они смотрели на беснующихся греков и финикийцев как на обречённый народ, которому недолго осталось! Уж этих-то выроdkов Бог точно испепелит, когда придёт срок! Было в Антиохии и другое сакральное место – это роща Дафны, посвящённая Аполлону. Это место числилось самым загадочным во всей Антиохии, тут поклонялись более высоким материям. Ипподром, неизменная развлекательная единица Римской империи, как магнитом притягивал к себе азартных ротозеев. Были театр и цирк, шумные рынки и бесчисленные бани, предлагавшие клиентам любые удовольствия, таверны и кабачки, дорогие публичные дома и дешёвые притоны, наполненные музыкой бубнов и тимпанов, и веселыми воплями, где рекой лилось вино и кипела неутомимым огнём вечная человеческая похоть.

Вот что пишет великий сатирик латинского мира Ювенал о Риме того времени и его нравах:

«Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
флейтщиц своих, тимпаны туземные, девок бесстыжих:
велено им возле цирка стоять, – идите, кто любит
этих развратных бабёнок в их варварских платьях!»

Он презрительно сравнивает Оронт с Тибром, а Антиохию с Римом, говоря о том, что Вечный город успел хлебнуть от бессовестной Антиохии с лихвой её распутных нравов! Но что же тогда происходило в самой Антиохии?

Несомненно, она жила беспокойно днём и неистово бесновалась ночью. Ипподром был всегда набит битком, жизнь в тавернах и публичных домах кипела до утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.